
Лилия Орланд
Графиня
со скверным характером

Лилия Орланд

Графиня со скверным характером

«Автор»
2026

Орланд Л.

Графиня со скверным характером / Л. Орланд — «Автор», 2026

Я попала в прошлое и оказалась в теле графини Салтыковой. Не той самой Салтычихи, но тоже весьма неприятной особы. Слуги её боятся, родственники ненавидят, жених идёт под венец словно на эшафот, а кто-то даже пытался её утопить.Но теперь это моя жизнь, и я планирую в ней разобраться. Выяснить, что натворила моя предшественница, после чего все исправить.Ах да, мне достался пёс графини, тот ещё мелкий пакостник.

© Орланд Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Моим собакам посвящается 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 25
Глава 7 29
Глава 8 33
Глава 9 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Лилия Орланд
Графиня со скверным характером

Моим собакам посвящается
Глава 1

Сознание возвращалось урывками. Гул в висках постепенно сливался в один нарастающий звук, который оглушал меня.

Бум! Бум! Бум!

Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее, словно бой барабанов, обтянутых мокрой кожей. Не сразу до меня дошло, что это кровь пульсирует в висках.

Вокруг была темнота – тяжёлая, густая и вязкая субстанция, которая поглотила меня с головой.

Я испугалась и открыла глаза. Что это? Где я? Субстанция оказалась реальной. Но не чёрной – зелёно-серой, почти непрозрачной, словно несколько слоёв тюля опутали меня и тянули вниз.

Это ощущение казалось самым явным, пока не пришёл холод. Он обхватил меня со всех сторон, проник сквозь кожу, вцепился острыми когтями в одежду.

Я подняла голову и увидела блики солнечного света. Далёкого. Недостижимого. Потому что я наконец поняла: меня тянет под воду, на глубину, подальше от света.

Я тону!

Осознание сменилось паникой. Я судорожно вдохнула, и в горло хлынула вода. Закашлялась, давясь спазмом. И будто очнулась.

Шок пошёл мне на пользу. Выжег из головы остатки тумана, оставив лишь ясное понимание – я должна выбираться отсюда. Иначе умру.

Я забарахталась, заработала руками и ногами, стараясь вытолкнуть себя наверх. Туда, где солнце и воздух. Где снова смогу дышать. Но тело не слушалось. Оно было странно тяжёлым, неповоротливым. Особенно ноги, которые никак не желали двигаться по отдельности.

Я попыталась согнуть колени, чтобы подтянуть ноги к груди, и почувствовала сопротивление. Пришлось согнуться и скользить руками вниз по телу. По длинным широким юбкам, которые развевались парашютным куполом, лишь слегка замедляя падение в бездну, но сильно мешая добраться до ступней.

Наконец мне удалось. Я нащупала свои щиколотки. Их обхватывала грубая толстая верёвка, которая вела дальше вниз, в глубину, и тянула меня за собой. Судя по скорости погружения, на другом конце было привязано что-то тяжёлое.

Я обхватила пальцами верёвку, потянула в стороны, одновременно дёргая ногами. Узел слегка ослаб. Мне удалось освободить одну ногу, следом за ней и вторую.

Испытывая неимоверное облегчение и в то же время осознавая, что воздух подошёл к концу, я взмахнула руками, устремляясь вверх. Несколько гребков вытолкнули на поверхность. Я зажмурила глаза от ослепившего меня солнца и судорожно вдохнула, чувствуя, как благословенный воздух наконец наполняет лёгкие.

Понадобилась пара минут или даже больше, чтобы отдышаться и привыкнуть к свету. И тогда я огляделась.

Меня окружала вполне мирная, даже идиллическая картина. Широкая река с медленным плавным течением. По берегам – заросли рогоза и камыша. На зелёных листьях кувшинок грелись лягушки, запальчиво квакая мне вслед.

Было бы очень обидно утонуть в такой тихий спокойный день. И всё же кто-то привязал к моим ногам камень и бросил в реку, пока я находилась без сознания. Мне очень повезло, что быстро очнулась, а то б кормила рыбок и головастиков на дне.

Стоп, что?! Нечто в моих мыслях обожгло ощущением опасности. Я отмотала назад – головастики, лягушки, – вот! Кто-то привязал к моим ногам груз и бросил в реку. И этот кто-то может всё ещё находиться поблизости!

Прятаться было некуда. Я находилась почти посередине реки. Течение плавно несло меня вниз. Заметив выступающую из воды толстую ветку, я собрала последние силы и погребла к ней. Вцепилась дрожащими пальцами, застыла, стараясь не высовывать голову. Смотрела во все глаза. Вслушивалась в каждый звук, пытаясь обнаружить своего врага.

Но всё было тихо. Похоже, убийца посчитал своё дело выполненным и ушёл.

Наверное, стоило ещё побыть в воде, убедиться, что я в безопасности. Однако я сильно устала и замёрзла, от пережитого шока мышцы стали вялыми. Долго в воде не продержусь. Надо выбираться.

Сук оказался частью дерева, опутанного водорослями и застрявшего недалеко от берега. Мне только и оставалось, что перебирать руками, подтягивая себя сквозь сопротивление воды. Звучит легко, но на деле каждый сантиметр требовал борьбы. И я боролась, потому что хотела жить.

Наконец добравшись до ствола, частично скрытого под водой, я забралась на него, прижалась щекой к торчащей вверх ветке и прикрыла глаза. Сил не осталось. Совсем. Даже на то, чтобы убрать из воды ноги, поджав их под себя.

Несколько минут в расслабленном состоянии, и меня потянуло в сон. Нет, тут спать нельзя. Если я соскользну с бревна, могу утонуть. Тогда замысел убийцы осуществится. А я совсем не желала ему помогать.

Медленно и осторожно сползла с дерева. Вода показалась ледяной, и это немного меня взбодрило. Опустила ноги, с облегчением почувствовав, как они касаются дна. Ступни тут же увязли в липком иле, но это уже была такая мелочь.

Вода по другую сторону дерева едва доставала до груди. Первые, самые трудные шаги я проделала, держась за ветку. Однако чем ближе продвигалась к берегу, тем легче становилось.

Наконец я выбралась из воды. Мокрый подол непривычно длинного платья цеплялся за ноги, мешая идти. Я подняла его и отжала, отметив, что и сам фасон мне непривычен. И вообще платье выглядело так, будто предназначалось для героини исторического фильма. Не представляю, зачем бы я такое надела.

Этот вопрос стал следующим после того, кто мог пытаться меня утопить. Оба я записала в свой блокнот памяти. Позже обязательно с этим разберусь.

Сейчас же я убедилась, что вокруг нет ни души. Забралась в густые заросли камыша, нашла местечко посуше и рухнула в изнеможении, мгновенно провалившись в сон.

Проспала я недолго, судя по солнцу,. Может, с полчаса. Очнулась едва ли не более разбитой, чем засыпала. Голова раскалывалась. Болели все мышцы, особенно ноги, к которым была привязана верёвка с грузом.

Но это не имело значения. Нужно уходить. Тот, кто бросил меня в реку, всё ещё может вернуться. Я должна найти людей и позвонить в полицию. Мне помогут. Я обязательно выпутаюсь из этой передряги.

Я вышла из камыша и полезла вверх по песчаному берегу. Вокруг по-прежнему было тихо, если не считать цикад и лягушек. Никаких признаков человеческого присутствия.

Ни белой полосы от самолёта в небе. Ни линии электропередач. Или следов автомобильных шин. Здесь вообще не было даже тропинки. Лишь море нетронутой зелёной травы.

Если меня затащили в глушь, прежде чем утопить, я могу не добраться до цивилизации. Сколько человек способен продержаться без еды? Неделю? Две? Это в случае, если здесь нет диких зверей, для которых я стану лёгкой добычей.

Ладно, хватит поддаваться пессимизму! Если я сумела выбраться из реки, то и с хищниками как-нибудь разберусь. И вообще, буду решать проблемы по мере их поступления. Сейчас мне надо подумать, куда идти.

Вопрос оказался непростым.

С одной стороны – река, с другой – заросли травы, перемежаемые группами деревьев и кустарников. Поразмыслив, я решила не уходить далеко от воды. Здесь всегда можно напиться, поймать лягушку на обед (брр, какая гадость). Да и выше шанс встретить поселение.

Исходя из логики, я пошла вниз по течению. Помня, что исток реки может прятаться в самых неожиданных и глухих местах. А мне нужно в цивилизацию.

Трава росла выше щиколоток, а в некоторых местах доставала почти до колена. Смотреть под ноги не имело смысла – всё равно ничего не видно. Однако ступала я осторожно, босые ступни реагировали на каждый камешек или колючку.

В общем, моя скорость сильно отставала от возможных пяти километров в час. Иными словами – я тащилась как черепаха. Ещё и это дурацкое платье. Не иначе безумный маньяк его на меня напялил. Нормальные люди сегодня не станут носить подобное. Талия расположена под самой грудью, а ниже – свободно спадающий балахон.

Первое время я придерживала подол руками, чтобы не цеплялся за траву. Потом бросила эту пустую затею. Разницы никакой не было. Так хоть ткань защищала ноги от порезов осокой.

Шла я долго. А может, мне так казалось. Солнце пекло нещадно, нагревая голову.

Пару раз я спускалась к воде, чтобы напиться и смочить волосы. Они отчего-то стали длинными и тёмными. Или у меня галлюцинации от перегрева. Или волосы мне нарастили и покрасили, ведь я уже пару лет носила светлое каре.

Когда передо мной возник выкошенный участок, я даже не сразу сообразила, что изменилось. И только пару раз сильно уколов босые ноги, поняла – это дело рук человеческих.

Открытие придало сил. Я подняла подол едва не до колен, чтоб было видно, куда ступать, и зашагала дальше. Вскоре увидела сложенное в копны сено и ещё свежую траву, разворошенную для просушки.

Сердце заколотилось. Наконец-то люди! Сейчас узнаю, куда попала, и позвоню в сто двенадцать. Похищение человека и попытка убийства – это вам не шутки.

В тени одного из стогов отдыхали мужики. Увидев меня, они выпучили глаза, а потом повскакивали и начали кланяться, едва ли не до земли.

Я испугалась. Даже телефон забыла спросить, быстро пошла мимо.

Доверия эти товарищи у меня не вызвали. Одеты странно, если не сказать – несуразно, под стать моему платью. Кто босиком, кто в лаптях. Рубахи длинные подпоясаны, из-под них торчат штаны широкие, у босых закатаны до колен. Бороды неопрятные, клокастые. Сразу видно – барбершопа в их поселении нет.

А ещё косы воткнуты рукоятками в землю. Наверное, с десяток. И очень острые, раз ими столько травы накосили.

Но больше всего меня смутили взгляды. Дикие какие-то. И всё на мои ноги пялятся. Я даже подол опустила, не по себе стало от них.

Может, женщины тут более вменяемы? Лучше у них телефон спрошу.

Я миновала мужчин под их многозначительное молчание. Не знаю, о чём думали они, а мне хотелось скорее убраться подальше. Только когда косари скрылись из виду, я вздохнула с облегчением.

И прибавила шагу.

Теперь под ногами вилась вполне себе утоптанная тропинка. Одно удовольствие идти. Я начала увереннее посматривать по сторонам.

Тем более что вокруг была красота. Два ярких цвета – зелёный и голубой – сменились буйной пестротой красок. Вдоль тропинки на длинных клумбах алели, синели, белели, желтели и краснели самые разные цветы. Не знаю, кто та неведомая хозяйка, что не пожалела времени и сил, но ей удалось создать прелестную дорожку вдоль реки.

И поднять настроение усталой путнице.

– Барышня! Барышня, вот вы где! А я с ног сбилася, по всей усадьбе вас ищу. Так и думала, что к реке пошли.

Из-за аккуратно постриженного кустарника выбежала незнакомая девушка и бросилась ко мне. Странной одежде – сарафану поверх рубахи – я уже не удивилась. Да и обращение «барышня» пропустила мимо ушей. В мыслях у меня был только телефон.

Глава 2

Пока я ждала, чтоб незнакомка подошла поближе, она окинула меня взглядом и нахмурилась.

– Неужто вы в одежде купаться изволили?

– Да, я изволила купаться, – не стала первой встречной рассказывать, что меня пытались утопить.

– Воля ваша, – девушка пожала плечами, мол, у всех свои странности, и спросила: – Обед когда подавать прикажете?

– Обед? – мой измученный организм сообщил, что хорошо бы прямо здесь и сейчас.

Вот только мне нечем заплатить. Сглотнув выступившую от мысли о еде слюну, я решилась на обман. Точнее, не совсем обман. Ведь я не стану говорить, что у меня есть деньги, просто промолчу, что их нет.

– Как обычно? – незнакомка подсказала вариант.

– Да, как обычно, – кивнула я.

– Госпожа, с вами всё хорошо? – кажется, она что-то заподозрила. – Больно бледная вы. На солнце, поди, перегрелись?

Я снова воспользовалась её подсказкой и кивнула.

– Ну идёмте тогда в дом, помогу вам переодеться и компресс холодный приложу.

Я двинулась за незнакомкой. Она вела меня через красивый сквер или парк с изящными клумбами, аккуратно подстриженными цветущими кустарниками и карликовыми деревцами с сформированной кроной.

Мы подошли к двухэтажному зданию, того благородного вида, какими бывают обычно музеи и дорогие рестораны. Только покрашено оно было в блёклый цвет, лишающий дом большей части очарования. Не спасали ни белые колонны, ни ажурные ставни, ни резные перила.

Сопровождающая меня незнакомка чуть замедлилась, чтобы я первой начала подниматься по ступенькам высокого крыльца.

Значит, всё-таки ресторан. Может, какой-нибудь загородный клуб? Наверняка из тех, где месячный взнос в несколько раз превышает мою зарплату.

Боюсь, мне не по карману здесь даже один раз пообедать.

Я развернулась, и незнакомка едва успела остановиться, чтобы не врезаться в меня.

– Я потеряла телефон. Можно от вас позвонить? – ничего, потерплю с обедом. Главное, вызвать помощь.

– Позвонить? – изумилась девушка. – А ваша голова? Не разболится?

– Не разболится, – успокоила её я.

Точно люксовое место, ишь как переживают за клиентов. Я где-то слышала, что от телефонов идёт небольшое излучение. Видимо, гости этого клуба слишком нежные, чтобы держать в руках трубку.

– Ну так я скажу Игнату, что вы велели звонить к обеду? – интонация была вопросительной.

И я кивнула. К обеду, так к обеду, мне главное, чтоб телефон принесли.

Незнакомка продолжала стоять ступенькой ниже, всем видом демонстрируя, что мне нужно зайти в здание. А я слишком устала, чтобы спорить. Потом разберусь с деньгами. Телефон, душ и обед – это всё, что мне сейчас требуется. Ладно, ещё кровать, где можно прилечь, пока жду помощи.

Потом сделаю им рекламу, когда вся эта история вскроется. Скажу, что выжила лишь благодаря отзывчивости сотрудников этого клуба. Они заработают много больше, чем потратили на меня.

Успокоив себя, я зашла в открытую для меня дверь.

Ого! Внутри я впечатлилась не меньше, чем снаружи. Просторный холл был отделан под старину. Нет, не под старину, это настоящий антиквариат.

Я провела ладонью по подставке для зонтов – светлое дерево, похоже на карельскую берёзу. Слой лака такой тонкий, что чувствуется текстура. Обожаю старинную мебель. Только здесь она выглядела почти новой, ни потертостей, ни сколов. Потрясающая сохранность.

Больше я трогать ничего не решилась, только окинула взглядом вешалку из того же дерева. Сундуки с богатой оковкой, похожие на произведения искусства. Диван со звериными лапами на ножках и мордами на подлокотниках.

Но больше всего меня восхитила лестница. Широкая, изогнутая, с изящными перилами и светлым ковром, закреплённым золочёными штангами. А в проём спускалась большая люстра, и в ней вместо лампочек были вставлены свечи.

Пока я осматривалась, сотрудница клуба стояла чуть позади. Не торопила меня, не подталкивала, просто ждала. Конечно, отношение к клиентам у них на высшем уровне. Даже таким жалким, как я. И представлять не хочу, как сейчас выгляжу.

Наконец я сама не выдержала, обернулась к ней.

– Где можно позвонить?

– Игнат всё сделает, госпожа, не извольте беспокоиться. Как раз к обеду и созовёт. Не желаете ванну прежде принять?

Я ужасно желала. К тому же девушка начала на меня странно поглядывать, поэтому я не стала спорить и настаивать на звонке. Может, она переживает, что я своим видом распугаю других клиентов? Наверняка у них здесь не принято расхаживать в мокром платье и с тиной в волосах.

– Хорошо, – я согласно кивнула, – куда идти?

Взгляд сотрудницы стал напряжённым. Как будто я говорила не то и невпопад.

– Госпожа, вам нездоровится? Может, послать за лекарем?

– Да, пожалуйста.

И как я сама не догадалась? Меня должен осмотреть врач, зафиксировать синяки и ссадины. Мало ли что со мной делали.

– Позволите, я помогу вам прилечь? – она протянула руку, но коснуться меня не решилась. Реально ждала позволения.

Я чувствовала себя более-менее нормально, но всё же оперлась на девушку, которая повела меня к лестнице.

Так и думала, что у них комнаты для постояльцев на втором этаже. Мы ступили на светлый ковёр. Вот так запросто, не надевая бахил и не меняя обувь. Наверное, горничные с утра до ночи его чистят, особенно в дождливые дни.

Перила оказались прохладными на ощупь и гладкими, отполированными множеством ладоней. Однако всё равно блестели, как новые, я не заметила и следа потёртостей. Ни одна ступенька не скрипнула, пока мы поднимались.

Меня восхитило столь внимательное отношение к деталям. Браво управляющему, который так трепетно оберегает комфорт клиентов. Хотя, как по мне, деревянная лестница должна скрипеть. В этом есть особое очарование.

Сотрудница привела меня на второй этаж и повернула налево. Дверь, к которой мы подошли, была слегка приоткрыта.

Я заметила, как девушка вздрогнула и бросила на меня быстрый взгляд. Ей нечего бояться, я не из тех, кто жалуется на персонал.

Однако распахивая передо мной створку, сотрудница всё же принялась извиняться.

– Простите, госпожа, не знаю, как так вышло…

Не слушая её, я зашла внутрь. Комната оказалась под стать остальному дому – антикварная мебель, штофные обои, нежные акварели на стенах и…

…жуткий запах.

Мой взгляд остановился на разворошенной постели. Прямо посреди подушки лежала коричневая кучка.

– Это что такое?!

От возмущения голос сорвался едва не на ультразвук. При столь высоком уровне обслуживания я никак не могла ожидать подобного.

Девушка тоже увидела постель и вдруг бухнулась на колени. Обхватила мои ноги и запричитала, обливаясь слезами.

– Госпожа, не гневайтесь, Христа ради! Не доглядела. Не успела, но я сейчас всё быстренько уберу, вымою, проветрю. Только позвольте, умоляю.

Я даже отшатнулась. Какая она эксцентричная. Да, мне стало неприятно найти кучу на постели, но это ж не причина так унижаться!

– Встаньте немедленно. Зачем это?

– Позволите убрать, госпожа? – спросила она с надеждой.

– Конечно, надо убрать, – я потихоньку отошла назад, радуясь, что странная женщина держала не слишком крепко и выпустила ноги из захвата.

– Так я мигом! – она так же резво вскочила, собрала постель вместе со всем содержимым и выскочила из комнаты.

Всё же очень странное место. И люди странные. И вообще сама ситуация для меня необычная. Со мной прежде ничего такого даже близко не случалось. Меня никто не похищал, не топил. Я даже ногу никогда не ломала.

Жила самой обычной, ничем не примечательной жизнью. В школе была хорошисткой, институт окончила на четвёрки. Работала на обычной работе, получала обычную зарплату.

И вдруг так попала.

Я подошла к окну с открытыми створками, чтобы не чувствовать запах. Внизу цвели розы с чудесным ароматом. Это слегка меня утешило. Может, всё не так ужасно, как показалось на первый взгляд?

Может, меня и не топили? Может, это игра такая на выживание? А я сразу перепугалась. Впрочем, привязанный к ногам камень и отсутствие помощи поблизости заставляло сомневаться даже в несчастном случае во время исторического квеста.

Однако поверить было сложно, поэтому мозг продолжал генерировать объяснения, которые прежде всегда работали.

Пока сотрудница отсутствовала, я обошла номер. Просторная комната с кроватью, от которой уже почти не пахло. По обеим сторонам ещё две двери. За одной пряталась комнатка поменьше. Судя по количеству шкафов и одежды в них, это гардеробная.

Все платья были сшиты на старинный лад. Я перебрала несколько в поисках этикеток, но цены нигде не обнаружила. Может ли быть, что наряды предоставляются на время проживания и входят в стоимость? Наверное, так и есть. Только счёт мне потом вручат, похожий на номер телефона.

Если не спишут на моральный ущерб. Вроде в дорогих заведениях так принято?

Я открыла вторую дверь. За ней находилась ванная комната. С настоящей медной ванной на высоких ножках и тоже в виде звериных лап. А кольца для переноски вставлялись в львиные морды. Выдержанный ампир. Дизайнеры – молодцы. Ну и владельцы не поскупились, когда обустраивали.

Даже водопровод подводить не стали. Я обошла ванну в поисках крана, но ничего подобного не обнаружилось. Неужели воду здесь носят вручную?

Может, поэтому персонал такой нервный? Попробуй физически работать с утра до вечера, ещё и клиентам угождать.

В углу на подставке стояло большое зеркало в тяжёлой резной раме. Я подошла посмотреть, что сделали с моими волосами. И застыла.

Из отражения на меня смотрела незнакомка. Нет, фигура не особо отличалась, да и черты лица напоминали мои. И в то же время это была не я. Глаза большие, но широко расставлены. Цвет не карий, а серо-зелёный. Губы вроде мои и подбородок тоже. Но волосы густые и длинные, почти до пояса. Часть из них всё ещё была заколота шпильками, а другая свисала по спине и груди подсохшими сосульками.

На меня словно смотрела дальняя родственница. Какая-нибудь кузина или тётушка.

Или судя по платью – прапрапрапрабабушка в годы своей молодости. Папа говорил, что фамилия Салтыков досталась ему от предков, которые до революции носили графский титул.

Кстати, у нас в роду была та самая печально известная Салтычиха. Правда она получила фамилию, выйдя замуж. Но я всё равно наследница части её генов. Так говорила мама, когда я в детстве на что-нибудь сердилась. А когда стала подростком, так и вовсе называла меня Салтычихой, обычно это помогало, прекращая конфликт в самом зародыше. Я слишком боялась быть похожей на свою древнюю родственницу.

И что со мной произошло?

Я пощипала себя за щёки, подёргала нос, потом волосы. Всё было настоящим и сразу разнылось. Кажется, я немного переусердствовала.

Ничего не понимаю!

Я это или не я?

Может, со зрением что-то? Объяснение тут же нашлось. В реке в глаза попала какая-то бактерия, и теперь зрение у меня искажено. И почему-то это касается лишь моего лица.

От усиленного мыслительного процесса у меня разболелась голова. И я решила отложить эту загадку.

К тому же вернулась сотрудница и начала перестилать постель.

Я вышла из ванной. Девушка меня заметила и затараторила.

– Сейчас вам водички горяченькой наносят. Как искупаетеся, живо настроеньице улучшится. А там и обед поспеет. Откушаете и в постельку свеженькую приляжете, поспите чуток.

План звучал отлично, если бы не одно «но». Я сюда не отдыхать пришла, мне нужно помощь вызвать.

Я услышала грохот в ванной и шум переливающейся воды. Сотрудница подскочила к двери и закрыла её, заглушая звуки.

– Позвонить когда можно будет?

– Так к обеду и позвонят, не извольте беспокоиться, барышня.

Глава 3

Но я всё равно беспокоилась. Ощущение неправильности происходящего усиливалось. Слишком нелогично, не складывается в привычную картину, и этих нелогичностей становилось всё больше.

Когда сотрудница, которая так и не представилась, пошла за мной в ванную с намерением вымыть меня, я захлопнула перед ней дверь. Задвинула засов, а потом и второй, на запасном выходе.

У меня появилось ощущение, что это место связано со случившимся на реке. И чем дальше, тем сильнее оно становилось.

Я снова посмотрела в зеркало. Отражение в точности повторяло мои движения и мимику, но было не моим. Не совсем моим. Что со мной? Я схожу с ума? Мания преследования, раздвоение личности?

Это всё объясняло. За исключением привязанного к ногам камня. Меня действительно пытались утопить.

Приступ паники накрыл внезапно. Я склонилась над ванной, вцепившись в бортик пальцами, и попыталась дышать.

Что происходит?

Что со мной происходит?!

Надо переключиться, убрать мысли и дышать. Просто дышать, чтобы жить. Я хочу жить и разобраться, кто сошёл с ума – я или окружающая меня реальность.

Немного придя в себя, я выбрала шпильки из волос и разделась. Платье жутко неудобно снималось. Ткань была без капли синтетики, не тянулась, и я с трудом дотягивалась до мелких пуговок на спине.

Для такого наряда нужна горничная. Однако затраченные усилия отвлекли меня от тревожных мыслей. Надо смыть с себя запах тины, а потом уже разбираться, куда я попала и как отсюда выбраться.

Мыть длинные волосы в ванне тоже оказалось неудобно. К тому же я не нашла ни шампуня, ни бальзама или маски. Только кусок мыла, пахнущий лавандой, и мыльный раствор в глиняном горшке.

Кое-как справившись, я завернулась в полотенце, больше похожее на отрез холстины. И поняла, что из одежды в ванной только стянутое мной платье. Измазанное в иле, с прилипшими пушинками рогоза. Ни за что его не надену. Однако и щеголять, прикрывшись полотенцем, я не собиралась.

Отодвинула щеколду и выглянула в комнату. Девушка вскочила, увидев меня.

– Стой там! – я вытянула вперёд руку в запрещающем жесте.

Эта сотрудница, или кто она там, не вызывала у меня доверия.

– Принеси платье, которое я смогу надеть сама, и уходи, – велела ей.

Девушка послушно бросилась в гардеробную. Спустя минуту поскреблась в дверь.

– Госпожа, я платье принесла.

– Повесь на стул, оставь у двери и уходи.

Из-за растущей тревоги я забыла о вежливости. Напряжение было слишком велико.

Выждала немного времени и снова приоткрыла створку. Незнакомка ушла. Я подбежала к двери и задвинула засов.

Наконец-то я одна!

Смогу подумать в тишине. В том, что мне позволят позвонить и вызвать помощь, я уже сомневалась. Однако не могла отринуть надежду до конца. Потому что я не готова к ситуации,

когда придётся бороться за свою жизнь. У меня не тот склад характера. Я не боец. Мне проще отступиться, чем скандалить, добиваясь своего.

Но эта ситуация явно выбивалась из разряда обычных. И надо по максимуму использовать предоставленную мне передышку.

Я двинулась обратно в ванную и вдруг заметила на кровати собаку. Маленький, изящный, с изогнутым телом борзой, пёс по-королевски развалился на подушке и смотрел на меня.

Красивая шёрстка, цветом как у оленя, только светлее и с переливом. Лишь на груди белое пятнышко. И удивительные карие глаза, капельку раскосые, с хитрым прищуром. Глядящие в самую душу.

Пёсик не двигался и напряжённо следил за мной, ожидая реакции.

– Значит, это ты тот маленький негодник, который наделал на подушку? – спросила я.

При слове «наделал» пёс поднял уши, оно явно было ему знакомо. Однако во взгляде ни капли раскаяния. Он словно бы говорил: «Ну да, это я. И что ты мне сделаешь?».

Я осторожно подошла к кровати и присела на край. Пёсик подобрался, готовясь сбежать, если начну кричать или замахнусь.

– Не бойся, мне нет дела до твоих проказ. Только потерпи, пока я не выберусь отсюда. И мы с тобой подружимся.

Я заметила вышитые буквы на ошейнике и протянула руку, чтобы узнать имя. Пёсик вскочил, ткнулся мне в ладонь и отпрыгнул, играясь. Его хвост весело колотил по подушке.

Вдруг пёс замер. Взгляд сделался озадаченным. А нос забавно двигался, исследуя воздух. Только собачке больше не было весело.

Он потянулся, чтобы снова обнюхать мою руку, бедро. И вдруг отпрянул, так резко, что едва не ударился о спинку кровати.

Пару мгновений пёсик глядел на меня, а затем завыл, заплакал, заскулил жалобно и тонко.

Я и сама едва не расплакалась. Кажется, до меня начало доходить, что здесь происходит. Только я не могла поверить в подобное. Я вообще не верила в такие вещи. Ведь такого не бывает. Не бывает же?

Если бы та девушка сказала, что я заняла чужое тело, я бы рассмеялась ей в лицо. А потом спросила, где спрятана камера и что это за шоу? Но собаки, в отличие от людей, не умеют врать.

– Ты думал, что я твоя хозяйка, да? А я не она.

Теперь всё встало на свои места. И все нелогичности сделались понятными. Я не сошла с ума и не попала в телевизионное шоу. Я вообще не представляю, кто я теперь, и где оказалась.

– Иди сюда, – пёс сейчас виделся мне единственным, кому можно довериться.

Он знает мою тайну, но никому не расскажет о ней.

– Иди ко мне, – чтобы не разрыдаться, мне было необходимо прикоснуться к кому-то живому и настоящему.

Собачонок посмотрел на меня долгим взглядом, словно что-то решая про себя. Затем поднялся, подошёл и вдруг ткнулся лбом мне в шею. Я осторожно погладила его, потом схватила в охапку, прижала к себе и разрыдалась.

Пёсик прильнул доверчиво, не вырывался, позволяя мне выплеснуть скопившееся напряжение. У меня были причины плакать. Я не знаю, кто я, не представляю, где оказалась и можно ли отсюда выбраться.

В дверь постучали, а затем из-за неё донеслось:

– Госпожа, это я, Любаша. Вы изволите выйти к обеду, али в комнату нести?

Я ненадолго задумалась. Пёсик отстранился и смотрел на меня вопросительно, будто тоже ожидал моего решения.

Я взялась за ошейник и прочитала «ТИМ».

– Значит, ты Тим? Тимоша? – он завилял хвостом, подтверждая. – Ну что, Тимоша, пойдём с тобой обедать и выяснять, куда я попала?

Он соскочил с кровати, припал на передние лапы и звонко гавкнул. Я решила, что это согласие. С Тимой я почувствовала себя увереннее. Словно, приняв меня, он стал моим другом и соратником.

– Жди меня, я выйду через десять минут, – крикнула Любаше и принялась вытирать волосы.

Девушка не обманула, платье я сумела надеть самостоятельно, хотя и тут пришлось повозиться.

Тимоша ждал у двери, нетерпеливо поскуливая. У него вообще оказался богатый язык и активная мимика. Я понимала, чего он хочет.

– Подожди, я тоже голодная, но мне нужно одеться.

Он запрыгнул обратно на кровать и устроился с комфортом, опершись локтем на подушку и внимательно следя за каждым моим движением. Весь его вид говорил, что пёсик терпеливо ждёт, но готов сорваться с места, как только я буду готова.

Ужасно нервничая, я в последний раз окинула себя взглядом в зеркале. Новую себя. До сих пор не верится, что не сплю.

Информации у меня слишком мало, поэтому пока лучше молчать и присматриваться. Надеюсь, мне удастся разобраться, куда я попала, и кто убил хозяйку этого милого пёсика.

Ведь не случайно я очнулась, когда тело погружалось под воду.

– Готов? Тогда идём, – я кивнула Тимоше, и пёс сорвался с кровати.

Ему хватило одного прыжка, чтобы перелететь половину комнаты. А потом смешно тормозить задними лапами, чтобы не врезаться в стену.

– Ну ты и прыгун! – восхитилась я.

Тим заколотил хвостом по полу, принимая комплимент. Надо бы ковёр тут постелить, чтоб собака не разбилась, так сигая с кровати.

Я отодвинула засов и толкнула створку. Любаша ждала в коридоре.

– Иди вперёд, – велела ей, чтобы скрыть, что совершенно не ориентируюсь в доме.

Если она и удивилась, то никак этого не показала. Коротко поклонилась и пошла передо мной. Тим сначала убежал вперёд, а затем остановился, поджидая. Похоже, пёсик знал, куда мы идём.

Вдруг раздался резкий звон колокола – тонкий, противный, от которого звенит в ушах и начинается головная боль.

– Что это? – я поморщилась.

– Так вы ж сами велели позвонить, госпожа, – Любаша обернулась, – вот Игнат и звонит к обеду.

Я имела в виду совсем другое. Однако теперь понимала, что о телефонных звонках здесь вряд ли слышали.

Колокол быстро смолк, но звон в ушах не стихал почти всю дорогу. Любаша остановилась у распахнутых дверей просторной комнаты, по центру которой стоял большой стол. За ним сидели четверо – двое мужчин и две женщины.

Я нерешительно замерла в проёме. Кто эти люди? И как себя с ними вести?

Глава 4

Тимоша устал ждать, поэтому первым забежал внутрь. Он вскочил на стул во главе стола и громко тявкнул, словно подзывая меня.

Разговор стих.

– Опять эта проклятая собака?! – выругался мужчина постарше. А потом повернул голову.

На вид ему было лет сорок. Светло-русые волосы, уложенные лёгкими волнами, над верхней губой щёточка усов. Глаза голубые и холодные.

На меня он смотрел без приязни, но пытался скрыть это за улыбкой.

– Варвара, голубушка, мы уж думали, не случилось чего. С тобой всё хорошо? – произнёс он мягко, но глаза оставались равнодушными.

– Благодарю за заботу, всё чудесно, – я растянула губы, тоже изображая улыбку.

– Варя, твой пёс снова сидит за столом! – возмутилась девушка, сидящая рядом со старшим мужчиной.

Они были похожи, словно отец и дочь. Те же холодные голубые глаза и светлые волосы, но с красивым золотистым отливом. А ещё они одинаково кривили губы при взгляде на Тиму.

– Да, Варвара Александровна, зря вы собаке позволяете за стол с благородными людьми садиться, – высказался молодой человек, лет двадцати семи.

Худой, с длинным носом, узким подбородком и опущенными уголками губ. На его лице застыло обиженное выражение.

Девушка с ним рядом промолчала. Она вообще смотрела в тарелку перед собой, будто не решалась поднять взгляд.

За столом стояло пять стульев. Я решила, что моё место во главе стола. То самое, которое занял Тимоша. Легко подняла его одной рукой, села и посадила пёсика на колени. Он сразу с комфортом устроился, словно всё это было для него привычным делом.

Будет не слишком удобно есть с собакой на коленях, но прогнать его я не могла. Сейчас Тим – мой единственный друг. И увидев этих людей, я только убедилась в своей правоте.

Не знаю, кем была Варвара, прежде чем утонуть в реке, но в этой комнате к ней тепло относилась лишь собака.

Из двери, расположенной напротив входа, выглянул пожилой мужчина.

– Госпожа, прикажете подавать?

Он смотрел на меня. Как и все остальные. Поэтому я кивнула.

– Подавайте.

Только сейчас обратила внимание на сервированный стол. Красивый сервиз с позолотой. Столовые приборы из серебра. Надеюсь, никаких сложных блюд не предвидится? С этикетом я знакома весьма поверхностно.

На первое подали суп. А для Тимы принесли блюдце с кусочками отварной говядины и куриной грудки. Значит, мне не показалось, он и прежде ел на руках у хозяйки.

Есть с собакой на коленях, пусть даже такой маленькой, то ещё испытание. Но я решила, что это объяснит мою неловкость с приборами. И не стала просить отдельный стул для Тима.

Суп оказался холодным. Обжаренные кусочки мяса (я узнала вкус курицы и говядины), репчатый лук, солёные огурцы и, кажется, сливы. Всё это залито квасом и огуречным рассолом.

Да это же окрошка! Необычная, непривычная, но довольно вкусная.

Вместо хлеба к окрошке подали маленькие пирожки, на пару укусов, с начинкой из кислой капусты. Тима, потянувшись было, презрительно сморщил нос и вернулся к своей тарелке. А мне пирожки понравились.

Как и тушёная кислая капуста на второе. К тому же подавали её с запечённой говядиной, пахнущей пряными травами и горчицей. Это блюдо вызвало у моего компаньона намного больше интереса.

Предавшись вкусной еде, я почти расслабилась. Как вдруг усатый мужчина спросил:

– Как прогулялась, дорогая племянница?

Вопрос заставил меня насторожиться. Почему он интересуется? Не потому ли, что привязал камень к ногам племянницы, сбросил в реку, а она вдруг явилась к обеду живёхонька-здоровёхонька?

Я пыталась прочитать выражение лица дядюшки, как стала называть его про себя, но вид у него был спокойный, даже благостный. Можно выглядеть так безмятежно после попытки убийства? А почему нет? В фильмах маньяки всегда мило улыбаются поначалу, а потом принимаются кромсать всех направо и налево.

В общем, я не стала скидывать дядюшку со счетов лишь потому, что он не выглядел удивлённым.

– Благодарю, прекрасно, – я улыбнулась.

Дядина дочь (я решила так её называть, пока не узнаю больше информации) переглянулась с молодым человеком. Похоже, между ними что-то есть. Жених и невеста? Или молодожёны? Колец на пальцах я не заметила, да и сидели они не рядом. Однако я не спешила с выводами, сначала понаблюдаю.

– А как прошло ваше утро? – задала встречный вопрос, надеясь выяснить о них побольше.

– Мы с Павлом Евграфовичем читали газеты, – дядя кивнул на молодого человека. – Елена с Авророй прогуливались в парке, по тенистым аллеям и с зонтиками, как полагается благородным барышням, а не бегали по солнцу вдоль реки, будто чернавки.

Понятно, камень в мой огород. Однако я проигнорировала шпильку, радуясь, что удалось выяснить имена почти всех присутствующих.

– Красивый загар скоро войдёт в моду, – спокойно заметила я, скармливая Тиме очередной кусочек ростбифа, поскольку с отварным мясом на его блюдце уже было покончено.

– Ерунда, – отрезал дядя. – Загорелые крестьянки никогда не привлекут взгляда благородного человека.

– Да что вы говорите, дядюшка! – мой голос сочился язвительностью.

В нашей истории было полно примеров, когда простые девушки пленяли аристократов своей красотой. Женились на них, конечно, редко, но вот всё остальное – это пожалуйста.

– Какая же ты дрянь! – вдруг выкрикнула Елена. – Ты теперь до конца жизни будешь попрекать отца тем случаем?

Подобной реакции я не ожидала. Однако сделала для себя два вывода: Елена – и есть дочь дяди, и у него был-таки случай с загорелой крестьянкой, о котором знала я, то есть моя предшественница.

Не потому ли её убили?

– Лена, извинись перед кузиной, подобное поведение недопустимо, – велел дядюшка, переменившись в лице. Равнодушное выражение в его взгляде сменилось досадой.

Елена надулась и принялась усиленно жевать кусок говядины, демонстрируя, что у неё занят рот. И она не может извиняться.

– Елена Михайловна, ваш отец прав, – мягко заметил Павел Евграфович, – подобные слова не допустимы для благородной барышни. К тому же мы в гостях у Варвары Александровны, и правила хорошего тона велят нам быть учтивыми с хозяйкой дома.

– А вам, Павел Евграфович, должно быть стыдно, напоминать мне перед ней, что мы с папа´ – всего лишь приживалы в её доме.

– Лена! – Михаил Иванович повысил голос. – Немедленно выйди из-за стола, но прежде извинись.

– Ни за что! – кузина вскочила, яростно бросив салфетку на стол. Отчего опрокинулся стакан с хлебным квасом, залив скатерть. Капли дробно закапали по паркету.

Тимоша спрыгнул у меня с колен и бросился за ней. Не успела я испугаться, что пёс собирается укусить кузину, как он затормозил в дверях, звонко облаял её и вернулся назад.

Мой защитник, я погладила его меж ушей. Только бы не рассмеяться.

На шум выскочили служанки. Одна начала убирать на столе, вторая – вытирать пол.

– Госпожа, дозвольте заменить скатерть и сервировку? – спросила у меня, глядя в пол.

– Не нужно, мы почти закончили, идите.

Мне не хотелось ждать, пока нам заменят скатерть и приборы. Если честно, я мечтала скорее уйти отсюда.

– Варя, я прошу прощения за свою дочь. Она не должна была говорить тебе подобного.

Я кивнула. Не должна была, но сказала. И судя по тому, как заёрзал дядюшка, говорила она правду. Значит, наши милые родственники живут в доме Варвары Александровны и за её счёт.

Впрочем, теперь, наверное, стоит называть его моим домом. Следовательно, и счёт тоже мой.

Интересно, а кто является моим наследником? Если дядюшка, то он или дочь вполне могли устроить исчезновение «любимой» родственницы.

Мол, извини, Варя, ничего личного, просто нам надоело быть приживалами. Хотим жить за свой счёт.

Павел Евграфович долго не выдержал. Тоже скомкал свою салфетку.

– Прошу прощения, что-то я неважно себя чувствую, пойду, подышу воздухом.

Вот как? А я думала, это чисто женская отговорка.

– Паша, – Аврора коснулась его рукава, то ли намереваясь остановить, то ли спрашивая, что ей делать.

– Всё в порядке, сестрица, продолжай трапезу.

Павел Евграфович поцеловал её в макушку и вышел. За столом мы остались втроём. Прости, Тима – вчетвером.

Я допивала квас, оказавшийся весьма вкусным – слегка сладковатым и при этом с кислинкой. И подводила итоги.

Значит, Аврора – сестра Павла, только непонятно, кем они приходятся мне. Но в любом случае оба живут в моём доме, как и дядя с кузиной. Значит, я богата, а они нет.

Что ж, недурственно. Прошло несколько часов, а у меня уже четверо подозреваемых.

Ну и кто из вас, дорогие мои, пытался убить бедную богатую Варвару Александровну?

Глава 5

Я скормила Тиме остатки ростбифа с тарелки и поднялась из-за стола, за которым так и висело гробовое молчание. После ухода Павла Евграфовича никто не произнёс и слова. Дядюшка сосредоточенно хмурился, Аврора ковырялась в своей порции.

Я опустила пёсика на пол и предоставила ему выбирать путь. Мне было всё равно, куда идти, лишь бы держаться подальше от моих новых родственников.

Тимоша вывел меня к задней двери, подождал, пока я толкну створку, а затем выскочил наружу, зацокотав когтями по ступенькам. Я двинулась следом.

Заднее крыльцо выходило в парк. Справа виднелся просвет, там должна быть река.

Солнце ещё светило, но на горизонте собирались серые тучи. Похоже, к вечеру начнётся гроза.

Тима бежал впереди, то и дело останавливаясь, чтобы обнюхать кусты и обновить свои метки. Если я сильно отставала, он поджидал меня.

Я глубоко вдохнула, пытаясь стряхнуть гнетущую тяжесть, закрепившуюся на плечах после обеда. Однако ничего не выходило. Поэтому я прибавила шагу, чтобы физическая нагрузка помогла избавиться от навязчивых мыслей о родственниках.

Хочу передохнуть и не думать о них, хотя бы полчаса.

Парк был прекрасен. Тот, кто его создал, решил не вторгаться слишком глубоко в природу, переделывая её под себя. Естественный пейзаж стал основой, в которую вписали аллеи, куртины и парковые затеи, вроде прудов, беседок, солнечных часов с большим деревянным гномоном.

Рельеф был неровным, аллеи – не прямыми, тропинки изгибались, скрывая до поры до времени то, что находится за поворотом. Поэтому для меня стали полной неожиданностью голоса, раздавшиеся за цветущими кустами чубушника.

– Вы знаете, я очень дорожу нашей дружбой, – произнёс мужской голос.

– Но женитесь на ней! – выкрикнул женский.

Его я узнала сразу – моя любезная кузина. С кем это она? Я вспомнила, как Павел Евграфович вышел вслед за Еленой. Возможно, второй голос принадлежит ему. Ещё за столом я заметила взгляды, которыми обменивались эти двое.

Значит, он собирается жениться? Интересно, на ком?

– Елена Михайловна, – его голос звучал приглушённо, – эту помолвку устроил ваш отец. Я дал слово. Вы прекрасно знаете, почему я не могу просить вашей руки.

– Знаю, – я едва расслышала её ответ, так тихо он прозвучал.

А затем и вовсе всё смолкло. Я решила, что сейчас они покажутся, и затаилась. Однако всё было тихо.

Мне стало любопытно. Я не просто собиралась подглядывать, мне нужно узнать, что происходит. Ведь кто-то из живущих в моём доме мог устроить моё убийство.

За кустами находилась красивая беседка с ажурными стенами и двумя входами. Елена и Павел стояли рядом, держась за резной столбик. Их руки соприкасались. Словно бы случайно. Не было ни объятий, ни поцелуев, но я точно наблюдала любовную драму.

Она его любит, он женится на другой. Кого любит Павел Евграфович и любит ли вообще, пока было непонятно. Как и то, почему он живёт в моём доме.

– Как же я её ненавижу! – кузина обхватила пальцами кружевную резьбу, с силой дёрнула. Дерево жалобно заскрипело. А Елена выкрикнула громче: – Ненавижу эту самодовольную дуру, которая не заслужила того, что имеет. Я хочу, чтобы она умерла! Сдохла, как шелудивая собака под кустом!

– Елена Михайловна, замолчите, вас могут услышать! – громким шёпотом предостерёг её Павел.

– Ну и пусть слышат! Слуги тоже её ненавидят, из-за того что она сделала с той крестьянкой.

– Но ведь это не графиня… – начал было Павел, но она перебила.

– Не важно кто, слуги уверены, что она приказала, так все думают. Я уже слышала, как её ведьмой кличут. А правду только мы знаем.

– Это жестоко…

– А с нами не жестоко?! – воскликнула Елена.

Я заметила, движение у беседки. Тимоша с деловым видом обнюхивал деревянный порожек. Зашёл внутрь, приблизился к парочке.

– Это собака Варвары Александровны, – заметил Павел, – может, и она сама где-то рядом.

– А ну пошёл прочь! – замахнулась кузина на пёсика.

Тимоша невозмутимо задрал лапу. Я ахнула, когда струйка раскрасила жёлтым узором белый подол её платья. Кузина взвизгнула, махнула ногой. Однако Тима отпрыгнул в сторону и помчался прочь.

Я зажала рот ладонями, чтобы не рассмеяться и не выдать себя.

Елена кричала, вопила, грозилась всеми карами и при этом двумя пальцами брезгливо удерживала мокрую ткань на расстоянии. Павел Евграфович тактично молчал.

Я дождалась, пока они покинут беседку. Даже когда парочка скрылась из виду, до меня долго доносились её визгливые возмущения. Я вышла из укрытия.

– Тим! Тима, ты где?

Пёсик как ни в чём не бывало прибежал на зов.

– Иди сюда, – он доверчиво подошёл, подставился под протянутую руку. – Ты просто красавчик!

Я всё-таки рассмеялась. А затем подхватила его, прижала к груди и долго стояла, глядя на ажурные стены, за которыми, кажется, говорили обо мне.

Неужели я и есть та самая графиня, на которой женится Павел Евграфович? Но почему не на Елене, если у них любовь? Ах да, деньги! Конечно же.

Поэтому кузина ненавидит меня так сильно, что готова убить. Так может, это она и решилась? Пригласила погулять, мы сели в лодку, потом веслом по голове, камень – к ногам и в воду.

Но Михаил Иванович сказал, что Елена гуляла с Авророй в парке. Это алиби или он соврал, покрывая дочь? Надо разговорить Аврору, узнать, правда ли, что они были вместе.

И что за история, из-за которой меня возненавидели все слуги?

Или всё же речь шла не обо мне?

Прогулка пошла мне на пользу. Я прояснила мысли и поняла, как получить больше информации. Если я хозяйка всего этого имения, значит, у меня должны быть подтверждающие документы. Нужно их найти.

Мы с Тимой вернулись в спальню. Он сходу запрыгнул на кровать.

– Э нет, дружок, так не пойдёт! – я сняла его с покрывала. – Теперь ты сначала будешь мыть лапы после улицы.

В дверь поскреблись. На моё приглашение заглянула горничная.

– Любаша, ты вовремя, – обрадовалась я, – пусть у меня в ванной постоянно стоит тазик с тёплой водой, чтоб мыть лапы собаке. Это можно устроить?

– Конечно, госпожа, – она поклонилась. – Позвольте, я вымою лапки вашей собачке?

Я вручила ей Тиму с наказом:

– Веди себя хорошо!

– Конечно, госпожа, – служанка снова поклонилась.

Я не стала её убеждать, что говорила это собаке. Наверняка и без того веду себя достаточно странно. Если бы у Варвары был близкий человек, он бы точно заметил, что она изменилась.

Так что мне даже повезло.

Когда Любаша скрылась в ванной, я приступила к поискам. Сначала заглянула в прикроватную тумбочку. Фу! Почему тут стоит горшок, прикрытый крышкой? Надеюсь, он пустой. И почему рядом с кроватью? Я ведь взрослая и могу дойти до уборной.

Я оставила дверцу тумбочки открытой, как напоминание, что надо это убрать из моей спальни. В столе тоже не нашла ничего важного. На полках –романы об учтивых рыцарях и нежных девах, которые только и делают, что попадают в передряги. Рыцарям постоянно приходится их спасать. Я пролистывала книги в поисках заложенных бумаг и наткнулась на роман, где герой оказался разбойником. О, хоть какое-то разнообразие, можно глянуть на досуге. Положила книгу сверху, чтобы потом не искать.

В комнату ворвался Тимоша, возмущённо облаял меня за приказ, потом горничную за его исполнение. Запрыгнул на кровать и начал яростно вытираться о покрывало.

Всё ясно, мой новый питомец не привык мыть лапы после прогулки. Впрочем, насколько я помню историю, до двадцатого века мало кто относился к гигиене серьёзно. Так что прежняя хозяйка пёсика наверняка тоже не слишком часто мылась. Ему было, с кого брать пример.

Ничего, мы введём новые порядки. И для иждивенцев тоже.

– Госпожа, что вы ищите? Давайте я помогу, – предложила Любаша.

– Да, – тут же согласилась я, понимая, что без помощи не справлюсь, – не помню, куда положила документы. Ты случаем не видела?

– Нет, госпожа, может, в папенькином кабинете? – предположила она, тут же исправившись: – То есть теперь в вашем кабинете.

Отвела взгляд и заметила открытую дверцу тумбочки. Выражение лица у Любаши стало презабавным. Она явно решила, что госпожа поехала крышей, раз ищет важные бумаги в таком месте.

– Да, убери это из моей комнаты и скажи, чтоб мне сделали новую тумбу – такого же размера, но с двумя выдвижными ящиками, – кажется, я вживалась в роль строгой графини.

– Да, госпожа.

– И пойдём со мной в кабинет, думаю, там надо прибраться, – я пропустила Любашу вперёд, чтобы она указывала путь.

Пару раз горничная предпринимала попытки затормозить и пойти за мной, но я пресекала их строгим взглядом. И правда, вхожу в роль.

Кабинет располагался на первом этаже. Служанка остановилась у двери, ожидая. Чего именно, я поняла, когда дёрнула за ручку. Кабинет был предусмотрительно заперт. Логично, учитывая посторонних в доме.

– А где ключ? – забывшись, спросила я.

– У вас, – растерянно ответила горничная.

Тоже логично. Только в комнате я ключ не нашла. Предположить могла два варианта: либо у Варвары есть тайник, либо ключ забрал убийца. Первая версия мне нравилась больше, но и вторую исключать не могла. Поэтому стоит подстраховаться и сменить замок.

– Кажется, я его потеряла. А запасной ключ есть?

Словосочетание «запасной ключ» вызвало у Любаши изумление. Я с запозданием вспомнила, что изначально никаких запасных не было. Один замок – один ключ. Потерял – выкручивайся, как хочешь.

– Сколько времени потребуется, чтобы вскрыть дверь и сменить замок?

– Не могу сказать, госпожа, сейчас сбегаю за плотником.

– Не надо сейчас, – решила я, глянув в окно на закрывшую небо тучу, – уже темнеет. Лучше завтра с утра. И смотри, открывать только в моём присутствии. Поняла?

– Да, госпожа.

Я решила, что на сегодня с меня достаточно. Слишком много испытаний для одного дня, который ещё даже не закончился.

– Ужинать буду у себя, – распорядилась и двинулась в свою комнату.

Спать хотелось неимоверно. А ещё внутри теплилась надежда, что всё это окажется сном. Я проснусь в своей квартире, в своей кровати и с облегчением подумаю: приснится же такое!

У лестницы меня поджидал дядюшка, в руках он держал большую толстую книгу, похожую на гроссбух. Нет, это не сон, это больше напоминает кошмар. Что ему ещё от меня надо?

– Варвара, – сходу начал он, – отчёт по делам графства готов. Всё сходится, можешь быть спокойна.

– Давайте, я посмотрю, – протянула руку.

Лицо дядюшки вытянулось. В какой-то момент мне даже показалось, что он сейчас спрячет тетрадь за спину.

– Ты хочешь посмотреть отчёт? – удивился он.

– Хочу.

– Но прежде ты никогда не интересовалась делами графства. Я, как управляющий и облечённый твоим доверием, занимаюсь всем.

– Не переживайте, дядюшка, моё доверие к вам никуда не делось. Просто стало интересно, что происходит у меня в графстве. Давайте сюда, – я почти силой забрала книгу из неподатливых пальцев Михаила Ивановича.

Мило ему улыбнулась и пошла на второй этаж. Где находится моя комната, я уже знала. И теперь собиралась закрыться и хорошенько выспаться.

Дядюшка провожал меня тяжёлым взглядом. Я ощущала его всё время, пока поднималась по лестнице. Словно точка прицела светилась у меня между лопаток.

С облегчением закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной.

Михаил Иванович не собирался отдавать мне гроссбух. Однако принёс его, демонстрируя, что ему нечего скрывать. Просто был уверен, что я отмахнусь, как обычно. Значит, в отчёте есть то, что мне не понравится.

Похоже, милый дядюшка подворовывает у любимой племянницы. Надо тщательно изучить его записи, причём сделать это на свежую голову. Сейчас я уже плохо соображаю. Хочу спокойно поужинать без ненавидящих взглядов и фальшивых улыбок.

Хорошо, что у меня есть Тимоша. Одна бы я просто сошла с ума.

Я окинула взглядом комнату, в которой оставила питомца. Он отдыхал на кровати, я это точно помню. Но сейчас постель была пуста.

– Тим? – позвала я неуверенно, не позволяя себе думать о плохом. – Тимоша, где ты, пёсик?

Прислушалась к ответной тишине, чувствуя, как меня затапливает страх. Куда он мог деться? Точно не убежал, я плотно закрыла дверь комнаты. Не на ключ, потому что замка в двери не было. И это оплошность предыдущей графини, которую я собираюсь исправить.

Не с моими новыми родственниками оставаться беспечной!

Мог кто-то зайти в спальню, пока меня не было, и унести собаку? Легко. С этажа ведут две лестницы. Мы с Любашей ходили по главной, в это время похититель спокойно спустился по второй и ушёл через сад.

Зачем похищать мою собаку? Чтобы причинить боль? Или напугать? Господи, я ведь не найду маленький трупик в саду?! От этой мысли у меня закружилась голова. Пожалуйста, только не это! Одна я точно не справлюсь, не выдержу такого давления.

Ведь, кроме Тимоши, здесь все меня ненавидят.

Обессилев, я рухнула на кровать. В то же мгновение раздался сдавленный писк, и подо мной что-то задёргалось. Я вскочила, отбегая подальше. В кино убийцы частенько подкладывали в постель неугодным ядовитых змей и пауков. Кто знает, что могли подкинуть мне. Верещало оно громко и по ощущениям было похоже на огромную крысу. Меня передёрнуло от ужаса и гадливости.

Но сделать я ничего не успела, из-под одеяла выскочил взъерошенный Тима и обиженно гавкнул.

Я рассмеялась от облегчения. Похищение собаки, ядовитые пауки и гигантские крысы – у меня начинается паранойя.

– Прости, мальчик, я тебя чуть не раздавила, – повинилась перед ним.

Снова села на кровать. На этот раз аккуратно и на расстоянии вытянутой руки от Тимы. Он подошёл, ткнулся головой мне в живот. Мол, гладь меня, чеши за ушами – тогда прощу.

Я собиралась заслужить его прощение, поэтому немедленно приступила к исполнению требований.

– Ты очень необычная собака, – сообщила ему.

Интересно, что это за порода? Какая-то миниатюрная гончая или борзая? Никогда не встречала подобных.

Себе сделала мысленную пометку, что мой новый друг любит спать под одеялом. Надо быть осмотрительнее, когда сажусь на постель.

Успокоившись, я приступила к поиску ключа. Из-за тучи темнело невероятно быстро. Вскоре в дверь постучала Любаша, она принесла зажжённую свечу и начала обходить с ней подсвечники у меня в комнате.

Спальню наполнил запах расплавленного воска и горящих фитилей. Придётся привыкать, что электрического света, включающегося голосом или нажатием кнопки, у меня больше не будет. Зато со свечами комната стала намного уютнее.

Я продолжила поиски. Перевернула гардеробную, прощупав все наряды и разворошив шкатулки. Заодно выяснила, что дорогих украшений у Варвары нет. По крайней мере, в спальне я их не нашла.

В ванной тоже не обнаружилось ничего интересного. И я по второму разу обыскала саму комнату, напомнив себе, что днём искала документы, а ключ может храниться совсем в другом месте.

Потратив полтора часа, я лишилась последних сил. Легла поперёк кровати, но предварительно обнаружила небольшую тёплую кочку на одеяле и постаралась её не задеть. Кочка сама переместилась к моему боку и, слегка поёрзав, улеглась.

Я смотрела на тёмный, едва различимый в неярком свете потолок и думала о ключе от кабинета. У меня было две версии: либо его забрал убийца, прежде чем сбросить графиню в воду. Либо она предусмотрительно спрятала ключ.

Вопрос – где?

Жаль, Варвара не оставила дневника или чего-то подобного, откуда я могла бы почерпнуть информацию. Весьма непросто действовать на ощупь, собирая знания по крохам.

Горничная принесла ужин. Услышав знакомые звуки, Тима выбрался из-под одеяла.

– Госпожа, мне вывести вашу собачку в сад? – поинтересовалась Любаша.

– Не надо, я сама, – едва произнеся это, поняла, что прежде выгул Тимоши был обязанностью горничной.

Видимо, графине не пристало заниматься подобным. И выражение лица Любаши это подтвердило. Но она быстро склонила голову, пряча взгляд. То ли боялась меня, то ли была хорошо вышколена.

Я уже хотела спросить о той истории, из-за которой слуги ненавидели графиню, но удержалась. Я пока слишком мало знаю, могу выдать себя.

У меня есть время, чтобы с этим разобраться.

Мы с Тимой поужинали, сходили подышать воздухом, затем вымыли лапки и легли спать. Тёплый комочек прижимался к моему боку под одеялом, даря чувство уверенности в том, что я не одинока. Вместе мы справимся с любыми напастями.

Глава 6

Но потом настало утро, которое подтвердило, это не сон, всё происходит по-настоящему. Я попала в далёкое прошлое, причём в другое тело – как бы фантастически это ни звучало.

Тимы под боком не было, но за кроватью слышались странные звуки, сопровождаемые забавным рычанием. Я поднялась и поползла к изножью, чтобы посмотреть, что там происходит.

Тимоша сражался с кроватным столбиком. Вцепился в него зубами и дёргал изо всех сил, используя вес тела. Ещё злился, что тот не поддаётся, и рычал.

Так вот что за светлые точки и полоски на мебели – это следы зубов. А я подумала, какой необычный рисунок у дерева.

– Ты что делаешь? – поинтересовалась у питомца.

Тимоша делать сразу перестал и запрыгнул ко мне, всем своим видом изображая недоумение. Мол, сам не знаю, что там было.

Пришлось вставать и оценивать ущерб. Я сразу поняла, что так привлекло собаку в этом столбике – он был составным. И от Тиминых усилий слегка покосился. Думаю, пёсик хотел его разобрать на составляющие, такое случается с питомцами, которым скучно и нечем себя занять.

Я начала крутить верхнюю часть, чтобы поставить на место, но неожиданно сняла её полностью. Столбик оказался частично полым, и в углублении лежал ключ.

– Тима, ты просто умница! – я расцеловала пёсика, который явно ожидал иной реакции на свои проказы. И теперь крутился на кровати, припадая на передние лапы, и звонко тявкал, приглашая играть.

Я достала ключ, убедилась, что больше в тайнике ничего нет, и установила столбик на место.

Когда пришла горничная, я попросила платье с карманами. С двумя в моём гардеробе не нашлось, пришлось соглашаться на один. Ряд мелких пуговок на спине вёл едва не до пояса.

И Любаша замерла, ожидая моей реакции. Ладно, поняла, сама я с этим не справлюсь.

– Помоги, пожалуйста, надеть, – попросила горничную.

У неё сделалось такое довольное лицо, будто выиграла миллион в лотерею. Кажется, Любаша воспринимала моё желание одеваться самостоятельно как опалу. И теперь радовалась вернувшемуся доверию.

Как у них тут всё сложно устроено.

– Скажи плотнику, чтобы пришёл после завтрака, – распорядилась я.

Ключ ещё может оказаться не от кабинета, да и в дверь спальни нужно врезать замок. В современном мире для такой работы я позвала бы слесаря, но в провинциальной усадьбе из далёкого прошлого, похоже, таковых не было.

– Да, госпожа, – кивнула Любаша, застёгивая последние пуговки.

Я вывела Тиму в сад. Земля после ночного ливня ещё не успела высохнуть. Поднимаясь на крыльцо, пёсик оставил цепочку тёмных следов.

– С грязными лапами я тебя на колени не возьму, у меня платье персиковое, – сообщила ему.

Тим немедленно поднялся на задние лапки, пытаясь поставить передние мне на подол. О том, что собака должна быть послушной и выполнять приказы хозяйки, этот пёс точно не слышал.

Я окликнула одного из садовников, половшего клумбу.

– Принесите мне ведро с водой прямо сюда, – попросила его, с трудом удержав слово «пожалуйста».

– Да, госпожа, – мужчина поклонился, оставил свою работу и ушёл, чтобы спустя пару минут вернуться с ведром.

Тима сопротивлялся, пытался кусать меня за руки, но я всё же вымыла ему лапы. А когда отпустила, пёсик отбежал в сторону и обиженно меня облаял.

– Прости, дружок, гигиена требует жертв, – я попыталась его погладить, но Тимоша уже обиделся и не шёл на контакт.

Зато когда я открыла дверь, он подбежал поближе и отряхнулся, забрызгав моё светлое платье.

– Будем считать, ты отомстил, – я оглядела подол, расцвеченный мокрыми пятнами, и вздохнула.

Зато у родственников появится отличная тема для разговора.

Я угадала. Едва увидев меня, Елена скривилась. У Павла вытянулось лицо. А Михаил Иванович покачал головой и спросил с укоризной в голосе:

– Варвара, ты не хочешь переодеться?

– Доброе утро, – улыбнулась всем столь широкой улыбкой, что зубы едва удержались во рту. – Платье скоро высохнет.

Тимоша запрыгнул на стул и снова отряхнулся, забрызгав скатерть и сидящих рядом дядюшку с женихом.

– Варвара! Это неподобающе! – возмутился Михаил Иванович.

– Согласна, это просто ужас, вам стоит пойти и переодеться, – предложила им.

Дядюшка задохнулся от возмущения. Павел Евграфович промолчал, как и девицы. Видно, с кузиной вчера провели воспитательный разговор, но извиняться она не собиралась. Об этом говорил упрямо вздёрнутый подбородок, напряжённые плечи, да и весь независимый вид в целом, демонстрирующий, что оскорблённая сторона здесь она.

Я отыскала взглядом лакея, выглядывающего из двери буфетной, но не спешащего заходить в клетку со львами. Или змеями – с какой стороны посмотреть.

– Принесите ещё один стул и большое полотенце, – попросила его.

Игнат понятливо кивнул и скрылся, а через минуту служанка поставила рядом сухой стул и с поклоном протянула мне отрез холстины.

– Спасибо, – кивнула я, – можете подавать.

Завернула дрожащего пёсика в полотенце и села за стол, над которым повисло гнетущее молчание.

– Варвара Александровна, – не выдержал жених, – место собаки – под столом, а вовсе не за ним. Особенно когда за этим столом собралось приличное общество.

– Павел Евграфович, – спокойно спросила я, – скажите, вы хозяин дома?

– Нет, – он покраснел.

– А кто вы тогда? – поинтересовалась с деланым любопытством.

– Я ваш жених, Варвара Александровна, – подтвердил он.

– Не муж, нет?

– Ещё нет, – он не понимал, куда я клоню, но чувствовал, что ему не понравится.

Я не стала медлить и добила его.

– Значит, вы пока, – выделила это слово интонацией, – не можете мне указывать.

Жених покраснел ещё больше. Бросил быстрый взгляд на Елену, у которой от гнева свело челюсти.

А я решила раз и навсегда поставить точку в этом вопросе.

– Если кому-то не нравится общество моей собаки, вы можете покинуть столовую, – я пожала плечами.

Постелила на колени салфетку и улыбнулась служанке, поставившей передо мной первое блюдо. На родственников я не смотрела, но, судя по тому, что никто не встал из-за стола, общество моей собаки всех устраивало.

Я вела себя вызывающе и отбивала удары, но, кто бы знал, каких сил это от меня требовало. Сколько нервов я затрачивала и в каком напряжении находилась.

Каждый приём пищи с родственниками – будто поединок с несколькими противниками сразу. Может быть, стоило всех выгнать и зажить спокойно, но я пока не выяснила, как глубоко они залезли в дела графини. К тому же кто-то из них может оказаться потенциальным убийцей. Если он или они уедут, где потом их искать? Здесь нет ни видеокамер, ни интернета, чтоб обнаружить человека в любой точке мира.

А я хотела непременно наказать преступника.

Приходилось держать удар и показывать зубы. Конечно, я понимала, что вызывающее поведение может спровоцировать убийцу на вторую попытку. Однако собиралась быть настороже. Больше я не позволю застать себя врасплох.

– Госпожа, Телегон пришёл, как вы и велели. Примете его?

Горничная подошла, когда я уже поздравила себя с окончанием очередного раунда и собиралась вставать из-за стола.

– Кто пришёл? – такого я не ожидала.

– Телегон, – также тихо, склонившись к самому уху, повторила Любаша. – Вы вчерась сказали, чтоб явился. Я Игнату сказала, Игнат послал Потапку, а Телегон был на дальнем пастбище, коров пас, вот только теперь дошёл. Так что, примете али обратно его отправить?

Мне стало неловко прогонять неведомого Телегона, который добирался ко мне аж с дальнего пастбища. К тому же хотелось ещё позлить родственников.

– Зови сюда.

– Так он с пастбища прям, – горничная сделала большие глаза, – может, в баньку сначала, отмыть да в одёжу чистую переодеть?

– Не надо, – улыбнулась я, – пусть заходит.

Конечно, Телегон мне не был нужен. Вчера я просила принести телефон, чтобы позвонить, но горничная поняла так, как поняла. Звонил Игнат в колокол, а Телегон шёл пешком с пастбища.

Кстати, забавное имя. Интересно, откуда оно взялось?

Крестьянин переступил порог и замер, робко теребя в руках шапку. Он даже осматриваться не решался, уперев взгляд в пол.

Выглядел он не очень. Чумазый, с неопрятной бородой и слипшимися в сосульки волосами. Засаленная, в пятнах и заплатах одежда висела на его щуплом теле. Блёкло-голубые глаза выглядывали из-под нависших бровей, будто улитки из раковины, что прятались внутрь при малейшей опасности. Возраст я не сумела определить, но, судя по движениям, точно не старый.

– Телегон, подойди, – велела я.

Пастух испуганно глянул на меня, секунду промедлил и, прихрамывая, направился к столу. Родственники бросали в мою сторону непонимающие взгляды, словно не веря, что это происходит на самом деле. Однако никто не ушёл, хотя есть перестали. Видимо, хотели узнать, что я задумала.

Сначала мне приходилось прилагать усилия, чтобы не рассмеяться при виде вытянутых физиономий. А потом амбре обогнало Телегона на несколько шагов, и усилия уже потребовались, чтоб сохранить лицо.

Пастуха сопровождали запахи пота и скотного двора, соединившиеся вместе в нечто ужасающее. Из всех присутствовавших в столовой только Тимоша проявил интерес к гостю и даже выпутался из кокона полотенца, чтоб подобраться поближе и обнюхать.

Телегон остановился шагах в пяти от меня и низко поклонился, коснувшись шапкой пола.

– Доброго здоровьичка, госпожа, – пробормотал он еле слышно.

– Здравствуй, Телегон, спасибо, что пришёл, – улыбнулась я.

Вместо ответа он снова поклонился. Выглядел пастух усталым и голодным. Надо бы пригласить его за стол – накормить и позлить родственников. Но я не смогла. Любаша была права: следовало отправить пастуха в баню и переодеть. Однако было уже поздно менять диспозицию. Поэтому я решила задать вопрос, который меня интересовал, и отпустить беднягу.

– Скажи, Телегон, нет ли у тебя брата по имени Телемах?

По ошарашенному выражению его лица я поняла, что угадала.

– Да, госпожа, – подтвердил пастух, снова теранув шапкой по паркету.

– Расскажи о нём.

– Мы с ним – однобрюшки, – сообщил Телегон. – Батюшка ваш, царствие ему небесное, как прознал, что двойня родилась, велел показать, а там и нарёк именами.

Вот и ответ на загадку – откуда крестьяне знают имена сыновей Одиссея. А я уж подумала, что у нас в деревнях читают Гомера. Значит, мой батюшка.

– Чем занимается твой брат?

– Тоже стадо пасёт, пастухи мы.

– Вы пришли вместе?

– Да, госпожа.

– Скажи, Телегон, нравится вам с братом ваша жизнь? Не хотите ли вы её поменять? Например, перебраться сюда, в усадьбу, работать на конюшне или в саду, или ещё где – на ваш выбор.

Лицо у Телегона стало совсем испуганным. Он даже съёжился, чтобы казаться меньше, как напроказивший школьник в кабинете у завуча.

– Не спеши с ответом, Телегон, посоветуйся с братом. Я запомнила тебя, если что-то понадобится, приходи ко мне. Ты понял?

– Да, госпожа.

Как у него спина не отвалится, столько кланяться?

– Игнат! – пожилой лакей тут же зашёл в столовую, словно стоял за углом, ожидая, когда позову. – Отведи Телегона и Телемаха на кухню, пусть их хорошенько накормят. Потом выдадут новую одежду, баня – на их усмотрение. Ещё еды на обратную дорогу и по монете за беспокойство.

– Слушаюсь, госпожа, – лакей тоже поклонился.

С каменным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, подошёл к пастуху и коснулся его плеча, приглашая идти за собой. Снова подметя шапкой пол и рассыпаясь благодарностями моей щедрости, Телегон ушёл, но его уникальный аромат остался в комнате.

Я собралась скорее сбежать отсюда, когда меня остановил дядюшкин голос.

– Ну и как это понимать, Варвара?! – спросил он с возмущением.

– Простите, дядюшка, не понимаю, о чём вы, – выдохнула я и поспешила к выходу.

Боюсь, столовую Игнату теперь придётся долго проветривать.

Глава 7

У дверей караулила Любаша.

– Плотник ждёт, как вы приказали.

– Хорошо, пусть ждёт, идём со мной, – велела ей и направилась к папенькиному кабинету.

Теперь я могла идти впереди, не боясь заблудиться. Горничная семенила следом, стараясь не отставать. Тимоша ловил солнечных зайчиков на стенах, подпрыгивая едва не на высоту моего роста.

Вставив ключ в замочную скважину на двери отцовского кабинета, я вдохнула и провернула влево. В груди стало тепло. Подошёл!

Потянула створку, открывшуюся с тихим скрипом. Изнутри на меня пахнуло книжной пылью. Я чихнула.

– Вы ключ нашли, как хорошо! – обрадовалась Любаша.

– Да, завалился за кровать, – солгала я.

– Значит, плотника отпускать, госпожа?

– Ни в коем случае! Пусть снимет мерки для новой тумбочки и врежет замок в дверь моей спальни. А ты за ним приглядишь.

– Слушаюсь, госпожа, – Любаша поклонилась и ушла.

Я зашла в кабинет следом за Тимой, который юркнул за тяжёлый письменный стол и запрыгнул в кресло. Тоже тяжёлое, широкое, обитое тёмной кожей. Судя по потёртости, отец графини часто им пользовался.

Вся мебель в кабинете была из красного дерева. Высокие шкафы заполнены книгами и толстыми журналами. Я прошлась взглядом по корешкам и обнаружила Гомера, а ещё Карамзина, Фонвизина, Богдановича. Так же литературу по лекарственным растениям и сельскому хозяйству.

Большая часть книг оказалась на французском и немецком языках, которых я не знала. Велю убрать их на верхние полки, откуда трудно доставать.

Подняв взгляд, обнаружила, что шкафы венчают мраморные бюсты неизвестных мне деятелей. Сколько ни вглядывалась, ни одного не узнала без интернета.

Я раздвинула плотные шторы, впуская в кабинет больше света. В солнечных лучах тут же закружились пылинки. Судя по их количеству, Варвара сюда давно не заходила.

А я пожалела, что отправила Любашу. Помещению требуется влажная уборка.

Тима уютно устроился в кресле. Я села рядом – места хватило обоим, и ещё осталось.

Поверхность была завалена бумагами, вскрытыми и запечатанными конвертами, обкусанными перьями. Похоже, моя предшественница поначалу пыталась разобраться в делах отца, но забросила.

Я вспомнила о гроссбухе. Обязательно изучу дядюшкину отчётность. Ни в коем случае не буду той Варварой, которую все ненавидели, но при этом пользовались ею и обманывали.

Однако сперва изучу документы и узнаю наконец, кто я теперь и во что впуталась.

Я погрузилась в бумаги, внимательно читая каждую и раскладывая по стопкам – важное, неважное, перечитать ещё раз. Поясницу грело маленькое тёплое тельце. Время летело незаметно.

Когда в дверь постучала Любаша, сообщить, что плотник поставил замок, я не разобрала даже половины столешницы.

– Хорошо, – кивнула я, отрывая взгляд от очередного документа. – Ты закрыла дверь?

У горничной сделалось испуганное лицо.

– Простите, госпожа, не сообразила. Сейчас сбегаю, – она дождалась моего кивка и умчалась.

Может, я и зря переживаю за свою спальню, стояла же она без внешнего замка столько лет. Но так моей паранойе будет спокойнее.

Я вернулась к бумагам. Здесь нашлась даже купчая на Тиму с указанием породы – левретка, малая итальянская борзая. Точно, я слышала о них, а ещё видела в Эрмитаже на портретах императорской семьи. Красивые собачки, элегантные, изящные, но я даже не подозревала, что они такие вредные и хитрые. Впрочем, на эту бездну обаяния сложно долго сердиться.

А меня теперь звали Варвара Александровна Салтыкова, и я была не совсем графиней. Графом являлся мой отец, у которого не осталось наследников мужского рода. Поэтому я стала своеобразной хранительницей титула, чтобы в будущем передать его своему супругу.

Так что Павел Евграфович, женившись на мне, получит не только деньги. Что ж, ему есть ради чего терпеть общество нелюбимой невесты, молча страдая по её кузине. Тем более что любимая живёт в том же доме, можно в любой момент уединиться с ней в парке и подержаться за ручки.

Любаша принесла ключ, сообщив, что закрыла дверь в мою комнату. Затем на столе передо мной появился поднос с тарелкой супа и блюдечко с ломтями отварной говядины.

Мы с Тимой быстро пообедали и вернулись к нашим делам. Он – досыпать, я – дальше разбирать бумаги.

И тут нашла пачку писем, перевязанную красной лентой. Первое же из них начиналось словами «Милая моя, драгоценная Варвара…».

Почерк оказался довольно разборчивым, и я окунулась в историю любви графской дочери и ненаследного княжеского сына, поручика Юрия Воронецкого. Они были помолвлены, свадьбу готовили на осень. Но затем Наполеон вторгся в Россию, и поручик отправился на фронт.

Последнее письмо, пришедшее от него, датировалось октябрём тысяча восемьсот двенадцатого года. Поручик писал из окрестностей Дорогобужа. Где и пропал без вести. Почти пять лет назад.

Дальше шла переписка с разными ведомствами, которые могли как-то пролить свет на судьбу Воронецкого. Самих запросов здесь не было, видно, Варвара не хранила черновики, только сухие строчки ответов.

Я пробегала по ним взглядом, отмечая ключевые слова. «Не найден». «Местонахождение неизвестно».

Бедная Варя, она столько лет продолжала ждать своего любимого, надеясь на чудо, но чуда не случилось. В одном из ответов сообщалось, что через пять лет после исчезновения поручик Воронецкий будет признан мёртвым, если его следы не обнаружатся раньше.

А дядюшка, значит, подсуетился, нашёл ей нового жениха. Однако Варвара не спешила замуж, предпочитая оставаться старой девой, и продолжала ждать. Тогда компания перебралась поближе к графине и окружила её заботой. Такой, что и не продохнуть.

Ещё я нашла несколько долговых расписок. Одна подписана Михаилом Ивановичем Лихаревым. Надо же, дядюшка брал у графа Салтыкова немалые суммы, очевидно надеясь, что ему простят по-родственному.

И судя по тому, как он себя вёл, надежда давно переросла в уверенность, что здесь ему должны.

Тима зашевелился, потягиваясь и с неожиданной силой толкая меня в спину своими тонкими лапками. Я оторвала взгляд от расписки, на которой стояло незнакомое имя, и обнаружила, что в кабинете сгустились сумерки. Попыталась снова вчитаться и не смогла – слишком темно.

Потёрла уставшие глаза. Шея и плечи задеревенели от неудобной позы. Я встала, и пёсик принял это за приглашение, подбежав к выходу. Пришлось идти на прогулку.

Я заперла кабинет, дёрнула за ручку, проверяя дверь, и двинулась за Тимошей. На сад уже спускалась вечерняя свежесть. Я вдохнула её полной грудью и решила прогуляться. После целого дня взаперти, ещё и без движения это пойдёт мне на пользу.

Посыпанные песком тропинки ещё светлели, указывая путь в полумраке. Пели соловьи. На небосводе зажигались звёзды.

А я подводила итог тому, что узнала за день, решая, стоит приберечь эти сведения или вывалить на родственничков и понаблюдать за реакцией. Свежий воздух и прогулка пошли мне на пользу. В голове прояснилось.

Пожалуй, сил хватит, чтобы заглянуть в дядюшкин гроссбух. Хотелось знать, доволен ли господин Лихарев, что живёт за счёт племянницы и получает жалованье управляющего, или ему не хватает.

Мне казалось, что дядюшка совсем не скромник и вряд ли удовлетворится малым.

Мы с Тимой обошли сад и вернулись к дому. Я поднялась на крыльцо, а пёсик остался сидеть у нижней ступеньки.

– Эй, ты чего? Идём домой! – позвала я.

Тима приподнялся и повилял хвостом. Мол, я тебя слышу. Однако подходить не спешил.

Я рассмеялась, заметив на крыльце ведро с водой и свисающее с перил полотенце.

– Ты хитрый мальчик, да? Дважды на это не попадёшься? – с улыбкой поинтересовалась у него.

Тимоша снова повилял хвостом и негромко гавкнул, подтверждая. Мыться прохладной водой на свежем воздухе он категорически отказывался.

Я открыла дверь, и пёсик одним прыжком перемахнул все три ступени, оказавшись рядом с порогом, а потом юркнул в проём. При этом умудрился протиснуться так, что даже не задел подол моего платья. Эквилибрист!

– Ладно, – усмехнулась я, – ты победил. Будешь мыться в ванной.

У двери нашей комнаты ждала горничная с зажжённой свечой. Я дёрнула створку, проверяя крепость замка, а затем провернула ключ. Он двигался легко, без скрипа.

– Спасибо за помощь, Любаша, – я сделала вид, что открываю дверь.

Ожидающий поодаль Тимоша подбежал, не рассчитывая на ловушку. Я быстро нагнулась и подхватила его под грудь.

– Попался?!

Пёсик возмущённо барахтался, размахивая длинными тонкими лапками, будто веточками, но оказался совершенно беззащитен против человеческой хитрости. Я открыла дверь в комнату и направилась прямиком в ванную с поникшим Тимой под мышкой, который тяжело вздыхал, осознавая коварство новой хозяйки.

Пока мы с ним мыли лапы, Любаша зажигала свечи. Тима выскочил из ванной, едва не сбив её с ног, и бросился на кровать. Сначала встряхивался, так яростно, будто его искупали целиком, а затем принялся вытираться, скользя по покрывалу от изголовья к подножию и обратно.

Горничная взглянула на пса, улыбнулась и продолжила заниматься своим делом. Я подумала, что она единственная, кто испытывает симпатию к моей собаке, невзирая на то, что именно ей приходится убирать за ним.

Отметила про себя: если что, смогу доверить своего питомца Любаше.

До ужина ещё оставалось время. Я решила изучить отчёт, света в комнате хватало.

– Спасибо, Любаша, зайди перед ужином, – попросила я, – а пока можешь быть свободна.

Горничная поклонилась и направилась к двери. А я потянулась к столику, на котором лежал гроссбух. Он точно находился именно на этом месте, я сама положила его туда.

– Любаша, подожди! – остановила её, когда горничная уже выходила из комнаты. – Где тетрадь?

Я указала на столик. Любаша проследила взглядом за моим пальцем, лицо у неё сделалось непонимающим, затем испуганным. Она покачала головой.

– Простите, госпожа, я не брала, – глаза горничной стали огромными, в них поселился страх.

– Ты уверена? – Она быстро закивала, а потом снова замотала отрицательно, когда я поинтересовалась: – А кто тогда взял?

– Может, завалилась куда? Как ключ ваш, – предположила горничная с надеждой.

Это было маловероятно, но мы с ней обыскали комнату. Гроссбуха нигде не обнаружилось.

– Плотник не мог взять?

Любаша задумалась, вспоминая, и через полминуты ответила:

– Не мог, я всё время при нём находилась. Да и на кой ему? Тараска грамоты не знает.

– А если подговорил кто? – я снова впилась взглядом в её лицо.

– Не мог, – выдохнула горничная, подумав ещё полминуты. – Я от него не отходила.

– А когда ключ мне понесла?

– Дык и он восвояси отправился, – уверенно заявила Любаша.

И тут я поняла. Они с плотником отправились восвояси, но дверь осталась открытой. Любаша пришла ко мне в кабинет, потом пошла назад, чтобы запереть дверь.

В это время кто-то проник в мою спальню и забрал гроссбух.

Глава 8

На ужин я шла, настроенная воинственно.

– Дядюшка, – начала с порога, – зачем вы забрали тетрадь? Я ещё не прочла ваш отчёт!

– Что? – Михаил Иванович сделал удивлённое лицо и начал отпираться. – Я ничего не забирал. Как тебе отдал, так и жду, когда прочитаешь. А ты что, потеряла мои записи?

Он тоже перешёл к обвинениям. Туше!

– Я не потеряла, кто-то зашёл в мою комнату и забрал тетрадь, – села за стол, чувствуя себя глупо.

Не стоило обвинять дядюшку, не имея чётких доказательств. Если он тот, кем я его считаю, значит, умеет выкручиваться и не из таких ситуаций.

– На твою дверь сегодня замок ставили. Я видела, – едко сообщила кузина. – Из закрытой комнаты папин отчёт никто не мог вынести. Значит, ты сама тетрадь потеряла, а теперь на отца вину складываешь. Как это в твоём стиле!

– Благодарю, Леночка, за ёмкую характеристику меня, – язвить я тоже умела. Только дела это никак не меняло. – Дядюшка, у вас есть копия?

Спросила без особой надежды, но вдруг.

– Нет, все записи там были, – Михаил Иванович так тяжело и горестно вздохнул, что я ему почти поверила. А потом снова перешёл к обвинениям: – И что же теперь делать? Как подсчёты вести? Я, между прочим, за твоим имением слежу, чтоб всё сходилось, рублик к рублику, а ты так легкомысленно отнеслась к моей работе за полгода. Взяла посмотреть – и потеряла.

Дядюшка снова вздохнул, покачал головой. Мол, что за нерадивая племянница ему досталась. Помогаешь ей, помогаешь, живота своего не жалея, а она не ценит, только использует бедного дядюшку.

Я почти прониклась. Представляю, каково было прежней Варваре, которая ежедневно сталкивалась с манипуляциями родственников. Могла ли она абстрагироваться от подобных проявлений заботы?

Не уверена.

За столом повисла напряжённая тишина. Дядюшка вздыхал, кузина возмущённо пыхтела. Павел бросал на неё тоскливые взгляды. А его сестра, как и прежде, смотрела исключительно в свою тарелку.

Я решила приглядеться к ней пристальнее. Аврора Евграфовна выглядела тихим омутом. Слишком тихим. Как бы в нём чего не водилось. Вдруг удастся переманить её на свою сторону? Тогда у меня будет союзник в этом клубке ядовитых змей.

– Чем вы сегодня занимались, Варвара Александровна? – первым не вынес тишины мой жених. И дядюшкин протеже.

Интересно, что же их объединяет? И что пообещал Опушкин Лихареву, когда станет графом Салтыковым? Деньги? Обычно подлости и преступления совершаются из-за них.

– Разбирала бумаги отца, – улыбнулась ему. – Давно пора навести в них порядок. А вы, Павел Евграфович?

– Мы с Еленой Михайловной играли в волан, – жених покраснел, видимо, понимая, как звучит для меня его признание.

– И что же, – продолжала любопытствовать я, – Елена Михайловна хорошо играет?

– О, просто великолепно! Елена Михайловна дважды обыграла меня с сухим счётом, – Опушкин не сдержался от похвалы, а затем смутился ещё больше от своей излишней эмоциональности.

– А вы, Аврора Евграфовна? – обратилась я к сестре жениха. – Как прошёл ваш день?

– Мой? – изумилась она, когда подняла голову, услышав своё имя, и поняла, что я действительно обращаюсь к ней.

– Да, ваш, – подтвердила я. – Чем интересным вы сегодня занимались?

– Я… я читала. В саду, – ответила она едва слышно и неуверенно взглянула на брата, как будто спрашивая, всё ли правильно.

Елена закатила глаза. К Авроре она относилась немногим лучше, чем ко мне. Разве что не испытывала ненависти, вызванной ревностью.

– И что же вы читали? – я продолжала проявлять любопытство.

– Ричардсона, – она снова опустила взгляд, словно отвечала не мне, а своей тарелке.

Я напрягла память. Английский писатель восемнадцатого века. Я слышала только об одном его произведении. Кажется, оно считается самым длинным и нудным в истории литературы.

– Кларисса Гарлоу? – проверила догадку.

– Да, – Аврора посмотрела на меня с надеждой. – Вы читали?

– Пока не успела, – пришлось признаться. – Но я слышала, что роман затянут и довольно скучен. Это так?

– Нет, что вы, – искренне возмутилась она. – Нужно только потерпеть первые два тома, а потом ужасно интересно. Кларисса, она такая сильная. И даже Ловелас уважает крепость её духа.

– Ну началось… – вполголоса пробормотала Елена.

Аврора сразу умолкла и опустила взгляд. А я порадовалась. Девушка одинока и увлечена чтением – я точно смогу переманить её на свою сторону. Ей, как и мне, нужен друг. Даже больше, чем мне. Ведь у меня есть Тима, а у неё только Ричардсон.

– Аврора, не желаете прогуляться со мной перед завтраком? – я решила сразу забросить невод.

И поймала четыре изумлённых взгляда. Кажется, больше всех удивилась сама Аврора.

– Я? – переспросила она, не веря.

– Вы, – улыбнулась я. – Прогулки перед завтраком улучшают цвет лица.

– Я с удовольствием, – Аврора тоже робко улыбнулась.

– Тогда до завтра, – я поднялась из-за стола, взяв Тиму подмышку.

С ним я чувствовала себя увереннее. Словно была воином, а он – моей бронёй, защищающей меня от острых взглядов и ядовитых слов.

Горничная ждала под дверью комнаты. Кажется, я всё же начинаю привыкать, что мне помогают одеваться и раздеваться.

– Любаша, у меня к тебе просьба. Очень важная и секретная, об этом никто не должен знать, – решилась я, когда она расстёгивала пуговки у меня на спине.

– Конечно, барышня, всё исполню, как велите, и никому не обмолвлюсь.

– Я хочу, чтобы ты аккуратно поискала большую книгу с записями.

– Ту самую, что тут лежала, да пропала?

– Да, её. И в первую очередь обыщи комнату Михаила Ивановича.

– Дядюшки вашего? – ахнула горничная, даже убрала руки от платья.

Наши взгляды встретились в зеркальном отражении. Я кивнула.

– И постарайся, чтобы тебя не поймали.

Утром я собиралась в приятном предвкушении прогулки. Мне казалось, что мы с Авророй сумеем найти общий язык.

И пусть у нас пока мало точек соприкосновения. Я почти не читала книг, написанных в восемнадцатом веке. Да и девятнадцатый выборочно. Зато у нас есть нечто объединяющее – мы обе изгои в этом доме. И если я тут хозяйка, поэтому со мной волей-неволей родственнич-

кам приходится считаться, то Аврора вынуждена таиться и молчать. Так что от моего покровительства она немало выиграет.

Мы точно подружимся.

Я вышла в переднюю с Тимой под мышкой. Он так мчался по коридору, что не всегда успевал тормозить на поворотах, врезаясь в стены. А ещё скакал по лестнице, перепрыгивая ступеньки. Даже несмотря на мягкий ворс ковра, я предпочитала утром выносить его на руках. Во избежание травм. Не представляю, как лечили сломанные лапы собакам в это время. И не хочу представлять!

Авроры в передней не было. Я открыла дверь и выглянула на крыльцо. Тима задёргался, намекая, что следует отпустить его на волю.

– Погоди секундочку, видимо, она ждёт у задней двери, чтобы пойти в сад. Мы ведь с тобой там обычно гуляем.

Я прижала собаку сильнее, чтобы не вырвался и не упал. Направилась в противоположную часть дома. Однако Авроры не было и здесь. Может, я рано? Мы ведь не обговорили время, а перед завтраком – весьма расплывчатое определение.

Больше мучить Тиму я не могла. Открыла дверь и выпустила его в сад.

Отсутствие Авроры мне не нравилось. Вчера она совершенно точно обрадовалась моему приглашению. Так почему не пришла?

Мы обошли весь парк и вернулись в дом через парадный вход. Повсюду уже кипела работа. Садовники сметали мусор с дорожек и пололи клумбы. В кустах негромко пели девушки, собирающие ягоды. От реки слышались весёлые голоса, там полоскали бельё.

Для всех наступило обычное утро, каких было много и будет ещё больше. Только я ощущала свою чужеродность этому тихому мирку. Мне не место здесь. Я хочу назад, хочу вернуть мою собственную жизнь.

То, что Аврора передумала и не захотела встретиться перед завтраком, неожиданно меня подкосило. Сама не ожидала, что это так сильно меня заденет. Значит, она вовсе не тихая, одинокая девушка. Она часть кампании моих родственников, организованной против меня.

Я ошиблась.

Ни на шаг не приблизилась к разгадке убийства графини. Не смогла доказать, что дядюшка меня обманывает. Не нашла ни одного друга в этом доме.

Я вздохнула. Идти на завтрак и снова выносить насмешки родственников не было ни малейшего желания. Там я ещё более одинока, чем сейчас.

Тим выскочил с боковой аллеи и бросился ко мне. Припал на передние лапы, размахивая хвостом. Гавкнул, отпрыгнул в сторону и снова приготовился, поглядывая на меня хитрым взглядом. А потом вдруг подобрался и прыгнул прямо мне на руки. Я едва успела его подхватить.

– Ты что делаешь? Так нельзя! Это же опасно! Я не ожидала и могла просто не удержать или уронить тебя. Слышишь? – выговаривала, прижимая пёсика к груди.

А он поднял голову и неожиданно лизнул меня в губы, как раз в тот момент, когда я открыла рот для очередной порции недовольства.

– Фу, Тима! – сморщилась я, но почти сразу рассмеялась. – Какой же ты у меня... замечательный.

Нет, я не одинока. У меня есть тот, кто всегда поддержит, развеселит и оближет, даже если я того не желаю.

На завтрак идти не хотелось, но собаку нужно кормить. Да и мне самой понадобятся силы для дальнейшего противостояния.

К моему удивлению, за столом сидели только трое. Место Авроры пустовало.

– Моей сестре нездоровится, – пояснил Павел Евграфович на мой вопросительный взгляд. – Она передаёт извинения, что не смогла отправиться с вами на утреннюю прогулку.

Я кивнула, принимая это объяснение. Однако про себя пыталась понять: сама Аврора не пожелала общаться со мной наедине или ей запретил брат? По его лицу ничего было не разобрать.

Павел Евграфович слушал моего дядюшку, который возмущался новостям из столицы. Оказывается, он выписывал газеты, которые доходили с некоторым опозданием, но всё же давали представление о том, что происходит в Петербурге и России.

– Нет, вы только подумайте, они хотят перевести крестьян из крепостных в вольные хлебопашцы. И не просто меж собой обсуждают, а уже и государю подали прошение. Шестьдесят пять петербургских помещиков подписали. Шестьдесят пять! Это ж как надо своим имением не дорожить, чтобы вот так запросто его разбазарить.

– А что император? – поинтересовалась я.

– Что император? – не сразу понял Михаил Иванович, вынужденный прервать тираду.

– Подписал прошение?

– Не знаю, надеюсь, его императорское величество не станет совершать эту ошибку, – возмущённо выдохнул дядюшка.

– Отчего ж не станет, – вдруг подключился к разговору Павел Евграфович. – В Эстляндии-то отменил личное крепостное право. Там помещики вынуждены заключать договоры со своими же крестьянами, а те ещё могут заартачиться.

– Куда катится мир, – горестно произнёс дядюшка, намазывая ломтик белого подсушенного хлеба паштетом из гусиной печени. – Скоро мы все с сумой побираться пойдём.

«Некоторые из вас, может, и пойдут», – подумала я, но озвучивать пока не стала.

– Варя, ты опять в грязном платье за стол пришла, – вдруг брезгливо поморщилась кузина, переключая разговор на себя.

Я опустила взгляд. Действительно на светлой ткани виднелись отпечатки лап. Кто-то бегал по сырой с утра земле, а хозяйка вернулась через парадный вход, где не было ведра с водой.

Досадный промах, но не Елене мне выговаривать.

– Надо же, – произнесла я с деланым равнодушием и продолжила завтракать.

Оладьи сегодня получились дивными. Только сгущёнки к ним не хватало. Интересно, можно ли её сделать в домашних условиях?

– Совсем никакого уважения к окружающим, – процедила кузина сквозь зубы.

На меня она не смотрела. Однако всем и так было понятно, к кому обращены эти слова. Я отправила дядюшке предупреждающий взгляд, он заметил и напрягся. Предоставляю ему возможность унять свою дочь, пока моё ангельское терпение не закончилось. Потом оттаскаю дорогую кузину за волосы, поскольку слов она, очевидно, не понимает.

– Елена! – строго одёрнул её Михаил Иванович.

Она вспыхнула, но против обыкновения не стала бросаться салфеткой и выскакивать из-за стола. Умненькая девочка, быстро учится.

Завтрак прошёл в, можно сказать, приятной, по-родственному тёплой обстановке. Когда он закончился, я испытала неимоверное облегчение. С такими любезными родственниками у меня скоро глаз дёргаться станет. Если не уже.

Мне нужен перерыв.

Я решила уйти куда-нибудь подальше. Подышать воздухом, не отравленным ядом. И осмотреть место, где утопили графиню. Может, там остались улики или подсказки, кто мог это сделать.

Глава 9

Тимоша с радостью отправился на вторую прогулку. Казалось, он готов на любую авантюру, лишь бы вместе со мной. Не понимаю, что у них так не заладилось с первой хозяйкой. Конечно, характер у мальчишки вредный и упрямый, на всё есть собственное мнение. Однако договориться с ним несложно. Основные требования: чтобы его любили и почаще обнимали, за это он станет самым преданным другом.

В общем, чудесный пёс. В моей ситуации – так просто идеальный. Если у меня появится возможность вернуться обратно домой, я постараюсь забрать и его.

Тим трусил впереди по тропинке, я шагала следом. Теперь смотрела по сторонам с совсем иным чувством. Вся эта земля принадлежит графам Салтыковым, представителем которых сейчас являюсь я. Смутно представляю, сколько у меня сейчас денег. И что с ними делать.

Если, конечно, дядюшка не приберёт их к рукам или не выдаст меня за Павла Евграфовича. Что в принципе одно и то же.

Отойдя на достаточное расстояние от усадьбы, я начала внимательно вглядываться в берег реки. Думала, найду место, где выбралась из воды, и от него буду искать выше по течению. Что-то могло остаться, главное, не пропустить.

В воде плескались рыбы, прыгали с листьев лягушки, на естественные звуки, идущие от реки, я давно перестала обращать внимание. Тем более неожиданным для меня стал обнажённый мужчина, купающийся на небольшом пятачке, где не было камышовых зарослей.

Я настолько опешила, что совершенно забыла о приличиях. Стояла остолбенело и пялилась. К тому же мужское тело было отлично сложено. С широкими плечами и обозначенными рельефом мышцами, узкой талией, переходящей в бёдра.

Внезапно мужчина нырнул, и моему взгляду предстали белые упругие ягодицы.

Только когда они скрылись под водой, я отвела взгляд и заметила лежащую на траве одежду. Нужно скорее уйти отсюда, пока меня не застали за подглядыванием. Иначе случится конфуз.

Представляю, злорадство кузины с дядюшкой, если они узнают об этом происшествии.

Я уже повернулась, чтобы пойти дальше по тропинке, как вдруг из камыша выскочила небольшая собачонка, заливаясь оглушительно звонким лаем. Лохматая, бородатая, непонятного черно-серо-рыжего цвета, она остановилась шагах в пяти от меня, продолжая облаивать.

– Тише ты! – велела ей, отступая назад и ещё надеясь уйти не замеченной её хозяином.

Но тут на лай прибежал Тима и направился прямиком к собачонке. Та замолчала, настороженно приглядываясь к незнакомцу, а затем принялась его обнюхивать.

Мужчина вынырнул на шум, но, к счастью, не пошёл сразу к берегу. Стоял, почти по пояс скрытый водой, и спокойно, без испуга смотрел на меня. Показалось даже, на губах у него мелькнула усмешка.

Зато я оказалась в ужасной, идиотской, недопустимой ситуации и совершенно не представляла, как себя в ней вести. То краснела, то бледнела, чувствуя, как от стыда горят щёки, уши, шея, да, кажется, и всё остальное.

– Прошу прощения, я проходила мимо, не собираясь подглядывать, – забормотала, чувствуя себя до невозможности глупо.

– Мой пёс… – попыталась свалить вину на Тиму.

Однако они с незнакомой собачонкой уже нашли общий язык и вместе скрылись в камышовых зарослях. Как же у собак всё просто! Почему у нас не так?

– Если позволите мне одеться, я с удовольствием выслушаю вашу историю, – вдруг предложил он.

– Да, конечно, разумеется, само собой, – я кивала, растянув губы в улыбке, которая казалась приклеенной суперклеем: и захочешь – не сбросишь.

Мужчина продолжал стоять в воде и смотрел на меня, словно чего-то ожидая. И тут до меня дошло – он ждёт, когда я уйду.

Бормоча извинения и ещё какие-то несуразности, я развернулась и пошла вперёд по тропинке.

Да уж, я сегодня в ударе. Прямо аллегория сообразительности и такта. Так стыдно мне ещё никогда не было. Однако я смутилась ещё сильнее, когда за спиной у меня раздалось:

– Сударыня, подождите!

Я застыла, в полном смысле этого слова, потому что обернуться и посмотреть назад не выходило. Не могла себя заставить.

Что ему надо? Я ведь уже извинилась и ушла, чтобы не компрометировать себя ещё больше.

В голове так и крутилось: «Сударыня, подождите, я вам ещё не всё показал». Спасибо, достаточно. Моя тонкая душевная организация больше не вынесет, нервная система и так подточена стараниями родственников.

Незнакомец догнал меня сам, скача на одной ноге, пока натягивал сапог на вторую. Он успел натянуть брюки и рубашку, по которой текли ручейки с мокрых волос. Остальную одежду скомканной держал в руке.

Теперь я могла рассмотреть его лицо. Симпатичное, хотя и с длинноватым носом и острыми скулами. Серые глаза смеялись.

Мужчина поклонился. Несмотря на его вид, поклон вышел изящным.

– Прошу прощения за то, что предстал перед вами в столь неподобающем виде. Позвольте сгладить первое впечатление и представиться. Борис Петрович Головин, штабс-ротмистр Лейб-гвардии Гусарского полка его величества. В отставке по ранению.

– Что-то я не заметила у вас ни одного шрама от ран, – высказала сомнение и едва не застонала от досады.

– Это оттого, что некоторые части остались скрытыми от вашего взора, – Головин усмехнулся.

Я почувствовала, что снова краснею. Ну вот зачем он меня догнал? Я не представляю, как должны себя вести графини в подобных ситуациях. В своей прошлой жизни я бы просто отшутилась. А здесь, боюсь, даже неправильные слова могут повредить моей репутации.

Хотя после того, как я полюбовалась его голым задом, о репутации, наверное, можно уже не переживать.

– Надеюсь, ваше ранение не доставляет вам сильных неудобств, – вежливо посочувствовала я.

Головин расхохотался.

– Какая вы, однако, необычная женщина, – заметил он вдруг.

Похоже, я опять дала маху. Но этот Борис Петрович вёл себя так настойчиво и при этом непосредственно, что мне хотелось отвечать ему в такт. С того момента как я очнулась под водой, мне приходилось обдумывать каждое слово, каждый жест. Мои дни проходили в постоянном напряжении. А мне хотелось расхохотаться так же свободно, как это выходило у Головина.

Из травы выбежали собаки. Судя по тому, как мирно они трусили рядом, им удалось подружиться. Тима ткнулся носом мне в ногу, мол, я рядом, не переживай, и догнал свою новую знакомую.

– Какая прелестная у вас собачка, – заметил Борис Петрович. – Люблю левреток, они непростые, но очень умные. И если подарят вам своё сердце, то всё, без остатка.

Мне понравилась его характеристика. И, проявляя ответную вежливость, я поинтересовалась:

– А ваша собачка какой породы?

– Диванная сторожевая.

Головин снова засмеялся. У него был красивый смех, как и голос – низковатый, с хрипотцой, отдающийся внутри лёгкой вибрацией.

Я не удержалась и улыбнулась в ответ на шутку.

– Никакой породы. Выкупил у мальчишек, которые собрались топить щенка в речке. Думал, пристрою куда-нибудь во двор. А она пристроилась ко мне на диван, теперь вот сторожит.

Меня зацепил его рассказ. У них здесь что, принято топить в реке всех подряд?

Не разбирая – собак, графинь.

– Я вас расстроил? – Борис Петрович оказался ещё и весьма чутким.

– Нет, что вы, – отмахнулась я и двинулась вперёд, чтобы выражением лица не выдать себя.

Не могла же я сказать, мол, да, расстроилась, потому что меня саму давеча в этой же речке утопили. Только кто – не знаю, как бы выяснить. Вы не следователь случайно?

А что, это идея! Нанять частного детектива, чтобы расследовал убийство графини и этой самой графине докладывал.

Но сначала нужно побольше узнать про Головина, порасспрашивать. То, что я видела его крепкие ягодицы, не должно вызывать ложное чувство, что мы давно знакомы.

Борис Петрович догнал меня и пошёл рядом. Мне показалось, он слегка прихрамывает. Присмотревшись, я поняла, что так и есть. Значит, о ранении не солгал.

– Откроете тайну, как вас зовут? – поинтересовался он. – Я мог бы называть вас таинственной незнакомкой, но мне кажется нечестным, что вы так много обо мне знаете и видели. А я о вас почти ничего.

– Купаться голышом не буду! – заявила я, заставив Бориса Петровича опять засмеяться. Да и сама не удержалась от смеха, до того заразительно у него выходило.

– Что ж, принимается. Думаю, я сумею смириться с этой мыслью, – ответил он, улыбаясь. – Но хотя бы имя могу узнать?

– Меня зовут Варвара Александровна Салтыкова, – я впервые назвалась новым именем, пробуя его на вкус.

– Вы живёте в той усадьбе? – Головин указал назад.

– Да, – подтвердила, ожидая его реакцию.

Вот сейчас он удивится. Выражение его лица изменится, когда поймёт, что я графиня. И эта лёгкость в общении, которой мне так не хватало, сразу исчезнет.

– Выходит, мы теперь соседи, – обрадовался Борис Петрович, ничем не выдав, что узнал, кто я такая.

Ни заминки, ни паузы на подумать и подобрать слова. Просто выяснил, что мы живём поблизости, и обрадовался этому известию.

А я почувствовала облегчение оттого, что он меня не знает и можно продолжать общение так же запросто, как и прежде.

– Мне тётушка оставила наследство. И вот, я сподобился приехать, посмотреть. Вы, наверное, знали мою тётушку Прасковью Дмитриевну из Теплова, – это было утверждение, и я не стала отвечать.

Не хотелось лгать новому знакомому. Я качнула головой, что могло трактоваться как согласие, и перевела тему.

Он оказался приятным собеседником, остроумным, с отличным чувством юмора и тактом. К тому же наблюдательным.

– Что вы всё в камышах высматриваете? Потеряли что-то? – поинтересовался он.

– Лодку, – нашлась я. – Уплыла, представляете?

Головин не поверил, но возражать не стал. Хотя видно было, что моя ложь его расстроила.

И я вдруг решилась. То, что я задумала, больше напоминало авантюру, чем чёткий план. Однако всё происходящее со мной сейчас – что это, как не авантюра? К тому же меня, то есть Варвару, уже убили один раз. Где гарантия, что не попытаются снова?

А так у меня будет человек со стороны. Может, он заметит то, что я не вижу. К тому же он мужчина и военный, значит, умеет действовать решительно в критических ситуациях.

Я остановилась и, глубоко вдохнув, позвала:

– Борис Петрович.

Головин по инерции сделал ещё пару шагов, а затем обернулся.

– Да?

– Вы умеете хранить секреты?

– Секреты? – его глаза изучали моё лицо, ловя малейшие оттенки эмоций.

– У меня есть секрет, которым не с кем поделиться, а одной хранить его слишком тяжело. Может, если поделюсь с вами, сама сумею разобраться. Или вы дадите мне совет.

– Вы меня заинтриговали, Варвара Александровна, – медленно произнёс он, словно что-то для себя решая, а затем пообещал: – Даю слово чести, если вы доверитесь мне, я вас не подведу.

– Меня пытались убить… – начала было я, но он перебил взволнованно:

– Вы уверены?

– Борис Петрович, – строго произнесла я, – позвольте сначала рассказать всё, а затем уже будете делать выводы – показалось мне или нет.

– Прошу прощения, – повинился он, склонив голову. – Обещаю слушать и не перебивать.

Я рассказала всё. О том, как пришла в себя под водой и чудом сумела стянуть верёвку с ног. О своих родственниках и женихе с сестрой.

Умолчала лишь о том, что настоящая Варвара Салтыкова утонула, а её место заняла я. Вместо этого сказала, что потеряла память и не знаю, кто именно пытался меня убить.

А потом вспомнила о письмах, перевязанных ленточкой.

– Воронецкий? Юрий? – вдруг обрадовался Борис Петрович.

– Вы его знаете? – я тоже воспрянула духом.

Судя по письмам, у Варвары с женихом были настоящие чувства. Если он вернётся, у меня появится защитник. Да и за Павла Евграфовича не придётся выходить.

– Знал, – помрачнел Головин. – Юра пал в бою.

– Подождите, – теперь перебила я. – Мой жених пропал без вести. И до октября ещё есть время, не торопитесь объявлять его мёртвым.

– Прошу прощения, Варвара Александровна, что позволил себе грубость. Я должен был прежде спросить, готовы ли вы узнать правду.

– Говорите, – я задержала дыхание.

Хотя с этим Воронецким и не была лично знакома, но прониклась историей любви. И переписку читала, словно роман.

– Я был там, – сообщил Борис Петрович, – и видел, как упал Воронецкий, его сразила вражеская пуля.

– Но почему тогда Юрия объявили пропавшим без вести?

Головин замялся. И я поняла, но всё равно нуждалась в подтверждении своей догадки.

– Да говорите же, обещаю, что не упаду в обморок.

Борис Петрович глянул на меня с сомнением, но признался, пусть и тщательно подбирая слова.

– Там была настоящая мясорубка. Ядро упало в самую гущу. Опознали двоих – по наградам, – он посмотрел на меня и пояснил: – Ордена изготавливают из металла, он не горит.

Я ахнула, представив эту ужасную картину. А Головин закончил:

– Остальные по сей день числятся пропавшими без вести. В той войне с французом пали многие наши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.